

ЮРИИ НИКИТИН

ФАРАМУНД

Юрий Александрович Никитин

Фарамунд

Серия «Трое из леса», книга 10

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121747
Фарамунд: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-19089-8*

Аннотация

Лютетия ехала со своими людьми через странный лес, и когда нашла среди бездыханных тел израненного воина, могла ли представить, что это он выстроит в ее честь город и назовет Лютетией. Но пока он лишь раб, заново овладевал мечом и пытался вспомнить, кто же он.

А затем он во имя любви к ней объединил вольные шайки и назвал франками, создал войско и подчинил себе огромные земли. Это еще не называлось Францией, городок Лютетия еще не стал Парижем, но Фарамунд уже был тем, кем стал для России Рюрик....

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	45
Глава 4	67
Глава 5	84
Глава 6	104
Глава 7	125
Глава 8	145
Глава 9	165
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Часть I

Глава 1

Третьи сутки они упорно двигались через гнилые испарения лесных болот. Единственная повозка часто увязала, всадники привычно покидали седла, упирались плечами. И снова мимо проплывают огромные деревья со стволами в рост человека, два колеса подпрыгивают на толстых корнях, слышен влажный шелест мясистых листьев, жидкая грязь отпускает колеса с недовольным чмоканьем.

На четвертый день чахлые, искореженные болезнями деревья сменились рослыми красавцами в три обхвата. Земля, все еще сырая, уже увереннее держала как повозку, так и тяжелых конных воинов.

Туман опустился к траве, растворился без следа. Воздух стал легче, прозрачнее. Вместо привычного смрада затхлой воды и гниющих растений стали восприниматься запахи древесной смолы, муравьиных куч. Всяк замечал, что птицы перекликаются звонче, белки мелькают рыжими молниями. Деревья стоят уверенно, земля у болот здесь отвоевана навечно. Могучие корни выпивают моря подземной воды, возгоняют по стволам и сбрасывают с листьев.

К полудню сквозь плотные тучи прорвалось крохотное

больное солнце. Ветер тронул верхушки деревьев, под ногами взад-вперед задвигались ажурные призрачные тени. Трава шевелилась, тоже отбрасывая тени, такие непривычные в мире, где плотные тучи царапают брюхо о вершинки деревьев. Кое-где появились даже бабочки: крупные, как воробы, мохнатые и серые, словно летучие мыши.

То и дело теперь по толстым стволам мелькали красные комки, пушистые хвосты, стучали крохотные коготки.

Две крепкие крестьянские лошадки упирались копытами, кряхтели, но повозку теперь даже на косогоры вытаскивали без помощи людей. Огромные колеса без труда катили через мелкие ручейки, борозды, подпрыгивали на выступающих из земли корнях.

Справа ненадолго проглянуло болото, но мелкое, жалкое. Скоро осталось далеко позади, но зловонные запахи еще долго витали в воздухе, тревожили души. Иногда деревья попадались изогнутые, изувеченные. Тогда под ногами чавкало, а весь отряд невольно ускорял шаг, уходя от обиталища злых богов.

Впереди на крупном коне ехал рослый и широкий в плечах молодой воин. В правой руке длинное копьё, на голове железный шлем, а на кожаном панцире нашиты железные пластинки. На локте левой руки, что не выпускала повод, без усилий держался легкий круглый щит, а из ножен у пояса торчала рукоять короткого меча.

Красивое гордое лицо осталось неподвижным, когда пря-

мо под копытами мелькнула лисья мордочка, испугав коня. Его выпуклые глаза сурово и непреклонно смотрели только вперед.

Следом за ним двигался, задремав в седле, массивный, грузный ветеран. Седая голова блестела серебром, короткие волосы трепал ветерок. Широкие массивные плечи обвисли от собственной тяжести. Круглое лицо, потемневшее от ветра, морозов, солнца, слегка обрюзгло, длинные седые усы опускались до груди. Справа у седла на тучи вызывающе смотрела рукоять огромного боевого топора.

Внезапно молодой воин насторожился. Ладонь его шлепнула по рукояти меча. Голос прозвучал сурово:

– Тревор, там что-то впереди...

Седоусый не успел открыть рот, как молодой прищпорил коня. Остальным видно было, как пригнулся, выставив копье, обогнул огромный дуб и пропал за зеленой стеной. Воины переглянулись, из ножен со зловещим посвистом вынырнули мечи. В руке Тревора появился боевой топор.

– Сюда! – донесся крик молодого воина. – Здесь был бой!

Тревор, уже с топором в руке, осторожно пустил коня за островок из деревьев. Там на широкой поляне в лужах свернувшейся крови застыли человеческие тела. Два матерых волка оскалили зубы, но не осмелились вступить в схватку, попятились в кусты. Воины быстро осмотрели место битвы. Лица павших искажены яростью, жаждой боя. Некоторые изрублены так страшно, что головы в стороне, отсеченные ру-

ки сжимают оружие. Два тела вовсе разрублены от плеча и до пояса, словно здесь дрался разъяренный великан.

Тревор с усилием привстал на стремянах, огляделся поверх кустов. Везде тихо, но на всякий случай сказал густым басом:

– Я проеду вокруг, посмотрю. А ты, Редьярд, проверь, что за люди.

Молодой всадник вскинул копье, потряс:

– Здесь все мертвые!

Тревор крикнул предостерегающе:

– Мертвых семеро, но за кустами могут быть живые...

Воины, не выпуская из рук оружия, выехали на место схватки. Четверо спешили, быстро переворачивали трупы, выворачивали карманы, шарили в складках одежды. На двух мертвецах оказались на удивление добротные сапоги. Спешившиеся едва не подрались: сразу трое ухватились за один и тот же сапог.

Лошадки вытащили повозку на край поляны. Выглянула девушка, быстрые живые глаза на широком загорелом лице без страха оглядели убитых. Воины стаскивали сапоги, переворачивали павших, шарили в карманах. Девушка соскочила с высокой ступеньки, черные волосы растрепались по прямой спине. Редьярд с высоты седла сказал строго:

– Клотильда, возвращайся к госпоже.

– А что я ей расскажу? – изумилась Клотильда. – Спроси-

ла ведь!

– Негоже смотреть на мертвецов, – сказал Редьярд еще строже.

– Это ей. А мне?

– И тебе нельзя.

– Почему?

Он набрал в грудь воздуха, но в это момент дверца повозки отворилась. На землю как бабочка спорхнула молодая девушка в дорогом платье из настоящего шелка. У нее блестящие глаза от яркого солнца и возбуждения. Казалось, от нее шел чистый радостный свет. Длинные золотые волосы, заплетенные в толстую косу, падали до середины спины, чистые глаза смотрели на мир с радостным удивлением.

Служанка вскрикнула:

– Лютеция!.. Лютеция!.. Вон Редьярд говорит, что негоже молодой девушке...

Из-за кустов донесся могучий рев дяди молодой госпожи:

– Э-э, да здесь еще один! Еще живой!.. Правда, долго не протянет...

Рослый всадник, Редьярд, крикнул:

– Где?.. Дознайся: кто напал, много их еще, куда ушли?

Точеные ножки юной Лютеции ступали между трупами. Привыкшая к виду убитых и раненых, она двигалась легко и свободно. Под каблучком хрустнули пальцы одного из павших, что в предсмертной судороге впились в землю, а Лютеция уже протиснулась между воинами.

Наполовину вломившись в кусты, лежал крупный молодой мужчина. Черные, как вороново крыло, волосы, запятнанные кровью, падали на лицо. Тревор слез на землю, конь тут же пугливо отбежал. Пальцы Тревора без брезгливости отодвинули с лица черноволосого прядь. Открылось крупное, но очень худое лицо. Скулы натянули кожу, подбородок зарос черной двухнедельной щетиной, не скрывавшей ни рубца, ни той формы нижней челюсти, что принято считать признаком упрямства и воли.

Он весь был залит кровью, на плечах и на груди кровоточили открытые раны. Еще одна страшная рана зияла на боку. Лютеции показалось, что кончики разрубленных ребер торчат, как оскаленные зубы огромного зверя. Неизвестный застонал, открыл глаза. Она вздрогнула, темно-коричневые глаза взглянули прямо на нее, минуя склонившегося над ним Тревора.

– Пить... – прохрипел он.

Тревор поколебался, отстегнул с пояса фляжку:

– Тебе, парень, надо больше о другой жизни думать...

Раненый пытался поднять руку, но только пошевелил пальцами. Вторая рука бессильно лежала вдоль тела. Кровь подтекла со всех сторон, он лежал в темно-красной грязной луже. Тревор приложил флягу к губам раненого, подержал чуть, тут же отнял:

– Хватит. Тебе все равно, а нам воду беречь надо. Ты из тех, кто напал или кто защищался? Говори, нам все равно:

разбойник ты или нет. Нам важнее знать, что впереди на дороге.

Лютеция присела на корточки перед раненым. Он сделал пару глотков, вода плеснула на подбородок: массивный, упрямо выдвинутый. Лютеция торопливо отодвинула мокрый от крови край рубашки, Ей почудилось, что коснулась одетых под рубашку лат из меди, но это оказались его рельефные мышцы. Грудь медленно поднималась и опадала, а глубоко внутри бухало могучее сердце. Ее рука на груди раненого подпрыгивала.

Он пошевелил губами. Лютеция не расслышала, наклонилась. Их взгляды встретились. Она сказала быстро:

– Перенесите в повозку. Не по-христиански оставлять умирать в лесу!

Тревор хмыкнул, рука опустилась на рукоять меча. В голосе старого воина звучало удивление:

– А кто сказал, что оставим, дабы волки драли еще живого? Одно движение железа – и он на небесах!

Лютеция сказала сердито:

– Дядя, я приняла новую веру.

– Ну и что?

– Иисус Христос велит быть милосердной.

– Старые боги надежнее, – заметил Тревор. – Да и парень этот, похоже, не слышал о новом боге. Эй, парень, ты ведь предпочитаешь смерть от острой стали друга?

Но человек, истощив все силы, впал в беспамятство. Тре-

вор вытащил меч, но Лютеция сказала возмущенно:

– Дядя! Я забираю его в повозку.

– Он умрет раньше, чем донесут до дверцы!

– На то воля небес!

Тревор махнул рукой, отвернулся. Раненого под надзором юной Лютеции бегом унесли в повозку, воины спешили вернуться к грабежу.

Обобрав убитых, отряд тронулся через лес. Изголодавшиеся волки ринулись на поляну раньше, чем ее покинул последний всадник. На деревьях оглушительно орали вороны, хлопали крыльями.

Редьярд снова ехал во главе отряда. Тревор пустил коня рядом, некоторое время ехали бок о бок. Тревор хмурился, на лбу собирались глубокие складки. Пышные серебряные усы распушились, как у рассерженного кота.

– Что-то беспокоит? – спросил Редьярд.

Старый воин почесал в затылке:

– Еще как!

– Что?

– Погибших семь человек, но у них даже кошельки не срезали! Что за край непуганых идиотов? Мы собрали такие мечи... а двум кинжалам так и вовсе цены нет! Чтоб вот так побить, да не забрать хотя бы самое ценное... Ничего не понимаю.

Редьярд предположил:

– Кто-то спугнул?

– Похоже... Но тогда почему не ограбил тот, кто спугнул?

Тоже непонятно.

– Тогда я выставлю двойные дозоры на ночь?

Тревор хмыкнул:

– Нас всего десятеро. Все валятся с ног.

– Ну, все-таки...

– Просто ложись спать, не выпуская из руки меча, мой мальчик.

Клотильда фыркала, отказывалась заниматься раненым, мало ли каких бродяг встретят по дороге, по одежде видно – разбойник, но когда Лютеция сама начала врачевать открытую рану на боку, служанка сдалась, отстранила юную госпожу.

– Все одно помрет, – ворчала она. – С такими ранами не выживают, госпожа... Вот не выживают, и все!

– Но милосердие нам зачтется, – возражала Лютеция. – Мы должны быть милосердными!

– Где ты видела в мире милосердие?

– Вот мы и должны нести его в этот жестокий мир...

– Эх, госпожа! Мало ты мир видела.

Раненый долго не приходил в сознание, но раны уже не кровоточили, хотя повозку трясло немилосердно. Клотильда под присмотром Лютеции перевязала бок чистыми тряпицами.

Вечером отряд расположился на ночевку, заранее выбрав

открытое место у ручья. Костров развели два: один для благородной госпожи и ее служанки, другой для мужчин с их грубым хохотом и грубыми шутками.

Лютеция помогла раненому выбраться. Он сразу лег, отдышался, потом с помощью служанки и заботливо поддерживающей его юной девушки доковылял к ручью, попытался сесть, но завалился на бок. Все же дотянулся до ручья, жадно сунулся лицом в холодную воду. Клотильда выждала, бесцеремонно схватила за волосы:

– Эй, не утони!

С него стекали ручьи, он жадно хватал воздух, словно в самом деле едва не задохнулся. С усилием пытался сесть, но не сумел, упал навзничь. Глаза его уставились в небо. Хмурое, нависающее черными тучами, оно почему-то совсем не отражалось в темных глазах.

Клотильда повернулась к Лютеции:

– Ночью помрет.

Послышались тяжелые шаги. Тревор двигался, как если бы дерево вздумало подойти ближе к ручью: медленно и основательно. Его совсем не старческие глаза сурово и с брезгливостью вглядывались в бледное лицо:

– Ну, можешь говорить?

Раненый часто дышал, грудь поднималась и опадала, как волны при буре. Глаза непонимающе уставились в грозное, нависшее над ним лицо. Тревор спросил девушек:

– Он что-нибудь говорил?

– Ни слова. Только постанывал.

Тревор пнул ногой в раненый бок:

– Ну, говори. Кто ты? Что ты? Что за схватка в лесу?

Лютеция вмешалась:

– Дядя, он очень слаб. А ты задаешь столько вопросов,

что сам епископ римский не ответит сразу!

Тревор произнес отдельно:

– Кто ты? Как твое имя?

Раненый смотрел тупо. Наконец глаза заморгали, в них появился страх:

– Я... я не знаю!

Тревор сказал с угрозой:

– Как это? У каждого человека, даже самого лесного, есть имя. Или кличка... Или хотя бы ты какой по счету?

Лютеция вскинула тонкие брови:

– Дядя, как это – по счету?

Он отмахнулся:

– Квартый, Секстий, Септимий, Секундий, Терций, Октавий... Ну, так как тебя зовут?

Раненый мучительно морщил лоб. По всему лицу заблестели бисеринки пота, начали вырастать в крупные капли. Он багровел, двигал морщинами, наконец лицо стало бледным, как у мертвеца.

– Я... ничего... не помню... Кто?

Тревор выпрямился:

– Здорово его по голове! Все вылетело. Эх, ладно. Если не

умрет за ночь, утром все равно оставим. Не наше это дело – еду переводить на подыхающих.

Лютеция сказала с упреком:

– Дядя, ты еще воды пожалей!

– Ну, воды не жалко, – ответил Тревор, не заметив иронии, – а вот с едой туговато. Тебе что, подают готовенькое! Все голодать будут, но ты не заметишь!

Он ушел, сам устыдившись резкости. Лютеция присела на траву возле раненого. Багровый диск наполовину опустился за деревья. Красноватый свет пал на лицо раненого.

Она сказала настойчиво:

– Тебе надо вспомнить хотя бы, кто ты. Потом вспомнишь и остальное. Как тебя зовут?.. Эрик? Рагнур?.. Олаф?.. Тра-нар?.. Фарамунд?

Ей почудилось, что при слове «Фарамунд» его веки чуть дрогнули, а расширенные зрачки коричневых глаз стали еще шире.

Она сказала торопливо:

– Фарамунд?.. Тебя зовут Фарамунд?.. Хорошо, будем звать Фарамундом. А дяде скажу, что ты вспомнил имя. И он не убьет тебя... чтоб не переводить еду.

Высокие колеса, почти в рост человека, снова все чаще застревали в глубокой грязи, где прятались глубокие рытвины. Воины всякий раз бодро соскакивали с коней, привычно упирались сильными плечами. Раненый сквозь грохот в го-

лове слышал голоса, его намеревались то выбросить как чужака, то сперва зарезать, а потом выбросить, однако всякий раз слышался нежный голосок светлой, как мечта, девушки, голоса умолкали, а он проваливался в тяжелый беспокойный сон.

За спиной осталась крохотная деревушка Ронду, проехали Вапуру. Иногда в стене крутого берега видели норы, в которых гнездились люди, такие же темные и горбатые, как птицы, но повадками похожие на тихих мышей.

Дорога медленно, но верно уводила их от реки. Снова по обе стороны повозки мелькали деревья, слышался сильный запах хвои, потом снова аромат берез, что вытеснялся мощными запахами дубовых рощ.

Однажды повеяло холодом. Отряд выехал из леса, впереди долина, дальше опять лес, сумрачный и темный, словно небосвод пошел неровной трещиной. Ветер ворвался в окна, затрепетал грубыми полотняными занавесками. Звук был тревожным, словно незримые демоны хлопали в ладоши. В щелях тонко и зловеще свистело, повизгивало. Холодные пальцы забирались под одежду, по коже вздувались крупные пупырышки.

Два дня холодный ветер врывался во все щели грубо сколоченной повозки. Лютеция тщетно пыталась спрятаться под ворохом медвежьих шкур. Клотильда, жалея молодую госпожу, укрыла раненого своим одеялом, а сама вжалась в уголок. Лютеция молча привлекла ее к себе, укрыла, и даль-

ше молодые девушки грели друг друга дыханием, сберегая тепло.

Раненый постанывал, но когда холодный ветер принес еще и грозовую тучу, мир потемнел, а над головой грохотало все громче, грознее, он вздрогнул, открыл глаза. Глазные яблоки были красные, налитые кровью, воспаленные, а коричневая радужка стала почти черной.

– Молнии... – прошептал он.

Веки опустились, но по желтому, как воск, лицу начал растекаться странный лихорадочный румянец. По крыше часто-часто застучали крупные капли. Мир дрогнул от страшного раската грома. Слепяще сверкнул белый огонь, сквозь струи холодной воды донесся запах горелого.

Лютеция и Клотильда обнялись, еще крепче прижались друг к другу. Страшные силы обрушились на землю, от грохота закачалась земля, донеслось испуганное ржание коней. Повозка уже остановилась, люди спрятались под деревьями, не видя впереди ничего, кроме серой стены холодной воды.

Раненый начал дергаться, словно незримые силы терзали его изрубленное тело. Лютеция увидела, как после неосторожного движения на повязках проступила кровь, зажмурилась и отвернулась. Раненый умирает, а когда открылись раны, то его можно считать уже мертвым...

На привале промокшее дерево гореть отказывалось, а сухих веток в этом проклятом лесу почти нет, все гниет, все

рассыпается на влажные коричневые комья. Даже деревья гниют стоя, и никогда не угадаешь, какой лесной исполин, что стоит вроде бы как несокрушимая башня, внезапно рухнет, ломая соседние деревья и заставляя землю отзываться тяжким стоном.

Воины сушились у двух костров, жарили подстреленную по дороге дичь. Для господ поставили небольшой шатер. Грубое полотно за время дороги истрепалось, прохудилось, и хотя Лютеция и Клотильда старательно накладывали заплатки, в щелях то и дело мелькало ослепительно белое тело юной госпожи.

Тревор обошел костры, заглянул за ближайшие кусты, а затем долго выливал из сапог воду. Люди старались не приближаться к веткам или же сперва шлепали по ним прутьями, стряхивая крупные дождевые капли. Если же все-таки отлучались, то, судя по запаху, совсем недалеко.

Хотя дождь давно прекратился, небо осталось в тучах, и ночь наступила быстро. В багровом свете были видны фигуры двух воинов, что клевали носом над углями. Багровый свет подсвечивал лица снизу, делая их нечеловеческими, оба казались особенно угрюмыми и жестокими. От мокрой одежды валил пар. Раненый, которого подобрала Лютеция, спал за их спинами. Колени подтянул едва ли не к подбородку, согнулся, как будто устроился в материнской утробе.

Тревор и Редьярд в последний раз обошли крохотный ла-

герь, Редьярд крепился, но его шатало от усталости.

– Поспи, – велел Тревор.

– А ты?

– Я разбужу под утро. Потом посплю малость я.

Редьярд опустил на кучу свежесрубленных веток, а заснул раньше, чем голова коснулась земли. Тревор еще дважды обошел лагерь, выбрал место у костра, долго подкладывал хворостинки, блаженное тепло начало растекаться по телу. Ему показалось, что ветки дальнего кустарника вздрагивают, но они подрагивают всюду: крупные капли все еще срываются с деревьев.

Он даже не дремал, но когда увидел тени, что скользнули по маленькому лагерю, решил, что видит сны. Такое и раньше случалось в минуты сильнейшей усталости. Даже шагая, он иногда видел призрачные образы, слышал небесные песни, а потом, внезапно очнувшись, обнаруживал, что движется совсем в другую сторону...

Сейчас он тупо смотрел на эти тени, и только когда они начали срезать у спящего Редьярда с пояса кошель, он встрепенулся, набрал в грудь воздуха, заорал страшным голосом, способным поднять мертвого:

– Тревога!.. Нападение!

На него прыгнули, кто-то ударил сзади. На мокрой земле все поскальзывались, удар пришелся по плечу. Зато его топор описал полукруг и, хотя тоже промахнулся, не попал по голове, древко в пальцах трянуло, раздался дикий вопль.

На землю шлепнулась отрубленная рука.

Воины вскакивали, теперь по всей поляне гремел стук мечей, слышалась брань, сдавленные выкрики. Глаза Тревора привыкли к мраку, он видел, как темная тень метнулась прямо в шатер. Сам он сражался с двумя разбойниками, только увидел через их головы, как из шатра выпала выброшенная пинком служанка.

Через мгновение разбойник высунулся из шатра. Впереди себя держал Лютецию, захватив сгибом локтя ее шею, а другой рукой приставил нож к ее горлу. В слабом свете нежное девичье горло белело отчетливо, еще страшнее блеснуло лезвие узкого ножа.

Тревора бешеным натиском заставил разбойников попятиться, сейчас бы прорваться к повозке, но оттуда раздался сильный властный голос:

– Эй!.. Ваша хозяйка у меня в руках!.. Кончай лить кровь!

Голос принадлежал явно вожаку. Разбойники сразу попятись, на мордах расплывались широкие улыбки. Воины тоже остановились, мечи и топоры держали наготове. Все бросали злые настороженные взгляды то друг на друга, то на сверкающее в лунном свете лезвие у горла Лютеции.

Тревора крикнул свирепо:

– Оставь ее! Сражайтесь с теми, кто сражается!

В голосе старого воина слышался страх. Вожак нагло расхохотался:

– Совсем дурак? Нам добыча нужна, а не резня. Все на-

зад! Можете даже не складывать свое железо. Но ценности заберем.

– У нас нет ценностей! – крикнул Тревор.

Вожак захохотал злее, с чувством победителя:

– Это для вас не ценности, а мы люди бедные... Вот на вашей хозяйке сколько камешков! Да и само платье... Вы ведь рады будете получить ее хоть голой, только бы живой?

Тревор заскрежетал зубами:

– Мерзавец! Да она лучше погибнет... Да мы сами лучше убьем, чем ее коснется позор...

Вожак крикнул еще громче:

– Никто не посягает на ее честь. Но одежду мы... ха-ха!... заберем тоже. Мы пообносились, не взыщи!

Разбойники смеялись, а лица воинов вытянулись, в глазах стыд и бессильное бешенство. Тревор, пока разговаривал с вожаком, увидел, как раненый, которого Лютеция называла Фарамундом, не поднимаясь с земли, слабо пошарил руками вокруг себя. Пальцы нащупали чей-то лук. Так же замедленно, слабыми руками наложил стрелу на тетиву. Сперва до Тревора не доходило, что тот хочет сделать, ведь ложку не мог до рта, но вдруг в ужасе понял, что тетива все оттягивается и оттягивается, оперенный кончик стрелы уже у самого уха, а наконечник смотрит в сторону Лютеции!

– Не сме... – заорал он, но поперхнулся, ибо щелкнуло, стрела исчезла.

Он услышал болезненный вскрик Лютеции. Вне себя от

ярости, с обнаженным мечом бросился в ее сторону, горя гневом и жалостью.

Вожак вскинул руки, словно пытался ухватиться за низкие тучи. В одной руке все еще блестел нож. В последнем усилии выпрямился и рухнул назад. В левой глазнице смутно белел в лунном свете оперенный конец, который Тревор только что видел в пальцах этого... как его, Фарамунда!

По всей поляне раздались яростные крики. Снова застучало железо о деревянные щиты, о человеческие головы. Лютеция вытаращенными глазами смотрела на дядю. Он вскрикнул в страхе:

– Цела?

– За волосы дернуло...

За ее спиной застыл, прислонившись к дереву, вожак оборванцев. Перо торчало, почти касаясь глазницы. Голова казалась неестественно выпрямленной, шея натянулась, в то время как тело пыталось сползти ниже. Тревор понял, что стрела, пробив мозг, проломила затылочную кость и вонзилась в дерево. Глазница заполнялась темной, как деготь, кипящей жидкостью. Пара золотых волосков ярко блестела в лунном свете.

– Моя девочка...

Тут же в ярости развернулся с мечом, однако из всей шайки только один отбивался, не успевая повернуться и прыгнуть в темные кусты. Воины Тревора, едва сорвалась стрела, не дожидаясь, куда она попала – терять нечего, ринулись на

разбойников, а те, застигнутые врасплох, уже уверенные в победе, пали под свирепыми ударами, как овцы под клыками серых волков.

Фарамунд, выронив лук, лежал без движения. На плече открылась рана, кровь вытекла жидкой струйкой и тут же свернулась черным комком. Глаза невидяще смотрели в небо.

Подошел Редьярд. Он тяжело дышал, темная кровь текла по мечу и светлой коже доспехов.

– Если бы он попал в Лютецию, – проговорил он, красивое лицо исказилось гримасой ярости, – я бы его изрубил на мелкие кусочки!.. Сутки бы рубил...

– Удача, – пробормотал Тревор, – или он в самом деле был уверен?

Редьярд прорычал:

– Конечно же, удача! Нет на свете людей, которые смогли бы так... Да еще в темноте!

Тревор покачал головой:

– Ты молод, Редьярд. А я видел страны, где стреляют лучше нас, видел страны, где плавают лучше нас, видел страну, где на конях лучше нас... Кто знает, откуда этот забрел?

Редьярд сказал недоверчиво:

– Он говорит по-нашему! И одет как простолюдин.

– Ну и что? Простолюдины есть в любой стране. В той, где стреляют из луков лучше нас, тоже.

Фарамунд простонал сквозь зубы. Тревор с уважением по-

качал головой. Все еще жив. От такого усилия открылись все раны, но все еще дерется за жизнь. Сильный зверюга.

Тяжелые веки раненого приподнялись с таким усилием, словно он вручную поднимал два подъемных моста. В глазах были пустота и непонимание.

Тревор наклонился над раненым:

– Хороший выстрел, парень! Где научился так стрелять?

Фарамунд дико посмотрел по сторонам:

– Стрелять? Что такое стрелять?

Тревор хотел рассказать про удивительный выстрел, но посмотрел в расширенные глаза, вздохнул, махнул рукой и отвернулся. Этому надо начинать рассказывать с сотворения мира.

Глава 2

Остаток ночи коротали у костров. С разбойников взять нечего, но двое все же сумели сменить растоптанные сапоги на чуть поновее. Кроме того, в отряде прибавились два меча, четыре кинжала, два крепких дротика с настоящими стальными наконечниками.

Подбрасывая в костер веточки, негромко переговаривались о раненом, его удивительном выстреле, после которого едва не умер. Тревор слушал, хмыкал. По опыту знал: эта история еще обрастет чудесными подробностями.

Утром продолжили путь. Раненый был слаб, но уже сознание не терял. Раны на нем заживали удивительно быстро. Лютеция всматривалась с жадным любопытством, втайне стараясь найти в нем следы благородного происхождения. Клотильда теперь таскала ему еду на привалах, даже в дороге ухитрилась подкармливать кусочками вяленого мяса.

Он ел много и с жадностью. Лютеция с удивлением и даже тревогой замечала, как быстро нарастает здоровое мясо, как сухие руки обрастают мышцами.

– Но что-то помнишь? – допытывалась она.

В его темных глазах она видела только багровое пламя костра. Мощные челюсти перемалывали кости вместе с мясом, глаза неотрывно смотрели в пляшущее пламя.

– Ничего, – ответил он тупо. – Ничего!

Тревор на могучее сложение незнакомца поглядывал с одобрительным любопытством, хотя не мог определить, чем же тот занимался: пахотой земли или же держал в руке оружие. Даже на отменного стрелка не похож. Тревор повидал их за свою долгую жизнь, мог выделить из толпы стрелка безошибочно, как бы тот ни маскировался под мечника или хлебопашца.

– Но стрелять ты умеешь, – пробасил он довольно. – Это для мужчины немало... Хотя многие считают, что лук – оружие простолюдинов, но я старый воин! Для меня важнее – умеешь ли наносить урон врагу. А все это происхождение от древних героев, кровь древних правителей...

Фарамунд сказал глухо:

– Если бы я мог вспомнить, кто я! Кто были те люди, среди трупов которых вы меня нашли?

– Разбойники, – сказал Тревор уверенно.

– Значит, я тоже разбойник?

– Скорее всего, – согласился Тревор с полнейшим равнодушием. – Но тогда кто вас побил? Все восьмеро не особенно различались ни по одежде, ни по тряпкам. Две шайки разбойников подрались?..

Лутеция сказала негодующе:

– Разбойники – трусы! Они не станут драться друг с другом. Да еще до убийства. Они нападают только на беззащитных. Или когда уверены в успехе целиком и полностью.

Тревор мотнул головой в ее сторону:

– Лютеция родилась и жила в семье воинов. Она знает цену воинской доблести. Но и трусости – тоже знает!..

Лютеция при этих словах вздрогнула. Ее чистые глаза поднялись к небу. Взгляд вместо звезд отыскивал низкие черные тучи. Плечи зябко передернулись.

– Дядя, – сказала она просяще, – а что, если выехать... на рассвете? Не дожидаясь восхода солнца?

– Тут такие туманы, – отозвался Тревор. – Вытянутой руки не видишь. Кони вслепую ноги переломают.

– Но и Савигорд не тронется в тумане, – ответила она тихо.

Голос ее звучал совсем жалобно и умоляюще. Редьярд шевельнулся, все посмотрели в его сторону. Он ответил сильным мужественным голосом:

– Если он догонит, я сам разрублю его до пояса!

– Если ты его найдешь, – ответил Тревор.

– Он не откажется от поединка!

– Почему?

– Я назову его трусом, – заявил Редьярд. – В присутствии всех его людей!

Тревор покачал головой. Глаза его, как и взгляд Фарамунда, не отрывались от багровых углей. Там вспыхивали искры, перебегали с уголька на уголек, похожие на мародеров, выискивающих добычу.

– Если у тебя будет время послать вызов, – ответил он сумрачно. – Если же нападут неожиданно... Лютеция права.

Нам лучше выступить на рассвете. Все лучше, чем Савигорд нагонит нас уже сегодня.

Он опустил голову и сразу же задремал. Лютеция вернулась в палатку. Но когда поднималась, она перехватила внимательный взгляд спасенного ею человека. В его темных глазах стояла мука, словно он безуспешно старался понять, кто этот Савигорд и почему все так торопятся уйти от него, что буквально падают с ног.

С утра пошел дождь. Мелкий, морозящий, гадкий. Усталые люди седлали коней, Тревор помог собрать шатер, Редьярд с двумя воинами уже скрылся в тумане. Повозка тяжело тронулась, колеса так глубоко вязли в раскисшей земле, что Тревор чуть было не решился выбросить раненого. Правда, тот спас Лютецию, но и она его спасла, так что в расчете...

К полудню дождь перестал, туман рассеялся. Однако и без того сырая земля раскисла с готовностью. Воздух был мокрый и настолько плотный, что в нем могли плавать рыбы. Вернулся Редьярд, весь блестящий, как тюлень, сообщил, что впереди река. Большая река, он пустил двух воинов вверх и вниз по течению искать брод.

Повозка увязала по самые оси. Люди почти не садились в седла, хватались за колеса, выволакивали. Теперь уже и Клотильда шла пешком, Лютеция тоже порывалась вылезти, но Тревор запретил. В повозке остались раненый и Лютеция, а также кое-какие драгоценности, золотые монеты.

На берег реки выбрались только к вечеру. Небо оставалось затянуто тучами, в серой неопрятной воде отражались эти медленно ползущие громады, готовые упасть на землю.

Тревор указал на тот берег:

– Там крепость? Или мне чудится?

Противоположный берег тонул в тумане. Река казалась бескрайней, как северное море. Все напряженно всматривались, наконец порыв ветерка порвал в одном месте завесу. Промелькнула далекая деревянная стена, тут же ее скрыло грязно-серым туманом.

Редьярд нетерпеливо оглядывался по сторонам. Справа по берегу простучали копыта. Вынырнул всадник, мокрый с головы до ног, даже волосы блестели.

– Моста нигде нет! – выкрикнул он издали.

– А брод? – спросил Редьярд строго.

– И брода!.. Я везде пробовал, дважды меня уносила река...

В бессилии смотрели в сторону противоположного берега. Снова туман ненадолго раздвинулся, на этот раз успели увидеть деревянную стену, три башни. Кто-то даже различил крохотные фигурки на стенах, а искорку заметил Тревор, так блестит обычно обнаженное оружие.

Простучали копыта с другой стороны. На измученном коне, роняющем пену, прискакал всадник, что искал брод ниже по течению.

– Ни моста, – крикнул он хрипло, – ни брода...

Тревор сказал тяжело:

– Мост был.

В сотне шагов из воды торчали торцы бревен. Темные, почерневшие от огня, они были почти неразличимы на фоне темной воды. Струи неслышно огибали препятствие, оставляя быстро гаснущие дорожки.

Редьярд, насторожился, привстал на стременах:

– Либо мне почудилось... либо я слышу лай собак!

После долгой мучительной паузы со стороны леса донесся далекий, едва слышный, зов рога. Редьярд передернул плечами, побледнел, но ладонь привычно опустила на рукоять меча. Не охотничий рог, боевой.

– Их не меньше сотни, – определил он. – Кони подкованы...

Из повозки выскочила Лютеция. Прекрасное лицо было смертельно бледным, но в глазах суровая решимость.

– Я не дамся в руки Савигорду! – выпалила она страстно. – Это зверь... вы все это знаете!

– Делать нечего, – сказал Тревор угрюмо, – либо драться...

– Драться! – выпалил Редьярд.

– Драться и умереть с честью, – продолжил Тревор, – нам, мужчинам, умереть с честью. А женщины...

– Я тоже убью себя! – сказал Лютеция.

Тревор показал на реку:

– Течение не слишком быстрое. Мы можем переправить-

ся! А если и утонем, то ему не радоваться, что нас убил, а тебя взял...

Всадники уже спешили. Кони очень неохотно вступали в холодную воду. Им плескали на потные бока, охлаждали, уговаривали, тащили за повод. Лютеция выскочила из повозки, ее придется бросить, следом вылезла Клотильда.

– Раненого придется оставить, – сообщила она. – Он не наш, ему ничего не сделают.

Тревор хмыкнул, но смолчал. Понятно же, что Савигорд, который просто для развлечения казнит, пытается и сажает на колья, пленника уж точно расчленит по суставу. Дабы вызнать о Лютеции все.

Лютеция не вошла в воду, а вбежала, распахнув руки, словно обнимала весь мир. Разгоряченное тело не ощутило обжигающего холода. С берега лай собак становился все громче и злее. Уже по пояс в воде, зачем-то оглянулась на повозку.

В проеме появился, ухватившись руками за края, спасенный ею Фарамунд.

Тревор с гиком подогнал коня к Лютеции, брызги широкими струями окатили ее до головы. Дрожащими пальцами торопливо ухватилась за стремя. С другой стороны Лютеции плыл Редьярд. Он тоже держался за стремя, другой рукой помогал девушке держать голову над водой. Ее золотая коса намокла, тянула на дно.

За их спинами на берегу послышался шум, лай собак, треск кустов. Тревор оглянулся. Через зеленые ветви проломились огромные псы. Их занесло к самой воде, всадники остановили бешеный бег коней на возвышении. Трое сразу сдернули с седельных крюков луки. Тревор увидел, как их руки поспешно накладывают стрелы, отвернулся и поплыл быстрее.

Стреляли, как он понял с удивлением, не по ним. А когда оглянулся еще раз, увидел, как вслед медленно плывет человек в серой полотняной рубахе. Двигается по реке медленно, то и дело зарываясь головой под волны. Одна рука болталась безжизненно, а плыл как-то странно, одними ногами. В тот момент, когда стрелы сорвались с луков, он, не поворачивая головы, ушел под воду.

Тревор еще дважды оглянулся, но Фарамунд не показывался, а лучники только теперь начали стрелять вдогонку уже ему, плывущему последним. Одна из стрел ударила в плечо, но кожаный доспех выдержал. Остальные стрелы шлепали в воду, как прыгающие с берега лягушки. Да еще конь дернулся и ржанул жалобно: железный клюв долбанул на излете в толстый круп.

С середины реки противоположный берег выступил из тумана отчетливо. К воде подбежали с десятков мужчин. У троих при себе были луки, у прочих за поясами торчали плотницкие топоры. Некоторые вбежали в воду до пояса, подхватывали обессилевших пловцов, тащили на берег.

Расталкивая народ, с берега к самой воде спустился грузный мужчина, похожий на могучего лесного кабана. Всклоченные рыжие волосы блестели в солнечных лучах, как медная проволока. Такая же рыжая борода закрывала бы шею, если бы она была: голова сидела прямо на плечах, массивных, округлых. Маленькие глазки придиричиво уставились на мокрых людей.

– Что за бродяги?

Рык его был могучий, исполненный силы и свирепости. Тревор выбрел из воды, ведя под уздцы коня. Вода с обеих лила ручьями.

– Просим... защиты... – выговорил он. – Меня зовут Тревор, а это мои родственники – Редьярд из рода Лесного Медведя и Лютеция Белорукая из рода славного Фабия, римского патриция и сенатора, который ведет свой род от самого Муция Сцеволы. С нами шесть человек сопровождения. Я везу племянницу к ее отцу!

– Вот так? По воде?

– Савигорд, – ответил Тревор зло. – Савигорд преследует нас!

Мужчина угрюмо кивнул:

– Савигорд? Знаю такого. Меня зовут Свен. Свен из Моря! Я хозяин этого бурга и этого люда. Вам укажут свободные помещения! Потом решим, что с вами делать.

Его налитые кровью глаза бесцеремонно уставились на Лютецию. Мокрое платье прилегало к телу, обрисовывая

каждую черточку. Она вздрагивала от холода, при каждом движении ее полные упругие груди покачивались.

– Это и есть племянница?

Редьярд торопливо вытащил из кожаного мешка сухой плащ, Лютеция, стуча зубами, поспешно закуталась до подбородка. Свен хмыкнул, взгляд его маленьких глазок скользнул поверх плеча Клотильды.

Двое местных, пошатываясь, тащили из воды крупного мужчину. Тот обвисал на их руках, мокрая одежда прилипла к телу. Видны были грязные повязки, сквозь которые проступали светло-розовые пятна.

Свен нахмурился:

– А это еще кто?.. У нас нет лекаря. Бросьте его обратно.

Лютеция обернулась. Тонкие брови взлетели в великом удивлении:

– Ой, он сумел переплыть? Благородный Свен, этот человек спас мне жизнь!.. Его нужно обязательно взять, оказать помощь.

А Тревор добавил:

– Если выживет, то у тебя не будет лучшего стрелка из лука.

Свен поколебался. Фарамунд вздрогнул, с усилием поднял голову. Свен несколько мгновений вглядывался в полумертвое лицо. Лютеция затаила дыхание, и все вокруг, казалось, перестало дышать.

– Ладно, – проронил Свен наконец. – Берите и его. Тед-

дик... где Теддик? Ага, Теддик, проводи наших гостей в левую пристройку. Там ясли для коней еще не поставили?

– Нет, господин.

– Прекрасно. Принеси туда столы. А спать пока придется на сене.

Им дали кров и еду, а для измученных людей, что еще нужно? Вечер перешел в ночь, многие попадали на мягкое душистое сено, сразу проваливаясь в мертвый сон. Когда настало утро, почти все чувствовали себя отдохнувшими: все-таки не у костра спали на голой мокрой земле, а под крышей на сене!

До самого полудня чинили конскую упряжь, подшивали сапоги. Местные помогали, чем могли, кузнец заново перековал коней, женщины поделились одеждой. Лютеция поблагодарила Свена за гостеприимство, потом вспомнила:

– Мы по дороге выбрали человека... я говорила, он спас мне жизнь! Где он?

От Свена пахло рыбой, словно он не только вышел из моря, но и питался все еще сырой протухшей рыбой. Запах рыбы и плохого пива смешивался в жуткую вонь, Лютеция старалась держаться с подветренной стороны.

– Не тревожься, красавица. Его никто не выгнал.

– А где он?

– Спит и ест с моими слугами. А я их содержу неплохо! Кто хорошо обращается со слугами, тому они верны.

Успокоенная, она повернулась к Тревору:

– Дядя, тебе не кажется, что мы достаточно пользовались гостеприимством благородного Свена? У него своих дел и забот достаточно. Когда ты думаешь, мы сможем выехать завтра утром?

Тревор развел руками:

– Кони отдохнули, а мужчины должны уметь жить без отдыха. Хоть прямо сейчас, моя прелесть!

Свен закусил губу. Острые глаза из-под кустистых бровей смотрели испытующе, на лице проступило колебание.

– Ты права, – сказал он Лютеции, – что у меня своих дел хватает. Да ты заметила, я вами не занимался. Приходилось укреплять стены, завозил запасы муки, зерна. Так что вы и так сами... Но, как бы я ни хотел от вас избавиться, все же ехать прямо сейчас не советую. По крайней мере, надо выждать.

– Почему?

Свен звучно хлопнул себя по коленке:

– Лютеция, для тебя весь мир в том злодее, что за тобой по пятам! И ничего вроде бы не происходит!.. На самом же деле по всей Европе не сделать шагу, чтобы не ограбили, чтобы не получить стрелу в грудь или топор в спину. По слухам, с севера сейчас надвинулось племя агаласов, которые жгут все на своем пути, убивают даже женщин и детей...

– Агаласов? – переспросил Тревор озадаченно. – Слышу впервые.

Свен отмахнулся:

– Сегодня называются так, завтра иначе. Сегодня есть, завтра не станет, какая разница?.. Новые придут. Может быть, это даже не племя, а просто шайка мародеров. Останутся где-нибудь на хороших землях... или тех, которые удастся захватить, вот и будет племя. Если женщин успеют наворовать из соседних деревень.

Лютеция отшатнулась, шокированная:

– Свен, как вы можете! Разве народы возникают не по Божьему соизволению?

Брови Свена взлетели на середину крохотного лба, заняв его целиком. Глаза выпучились.

– Божьему? А кто это?.. А, ты говоришь об этом новом боге...

– Он единственный, – отпарировала Лютеция строго. – Все остальные – теперь уже демоны.

Свен отступил, выставил ладони:

– Как скажешь! Мне все одно, только не говори о вашем боге. У меня от проповедей начинает в голове звенеть, а зубы сразу ноют. Отдыхайте, присмотритесь, кому чем заняться. Мне шестеро крепких мужчин вовсе не в тягость! Еще как не в тягость. А выступить в свой поход... опасный поход успеете.

Фарамунд чувствовал, что выздоравливает. Раны затягивались быстро, он много и жадно ел, впадал в забытие, а оч-

нувшись, чувствовал, как тело окрепло еще больше, а боль от ран притупилась. Под повязками страшно зудело. Он едва сдерживался, чтобы не почесать, но однажды, забывшись, все же поскреб крепкими ногтями... и с изумлением обнаружил, что ногти скребут засохшую корочку на толстых вздутых рубцах!

Перед глазами часто возникало чистое девичье лицо. Он старался вспомнить, кто это, иногда чудилось, что просто привиделось. От этой мысли словно темные крылья накрывали мир, он снова чувствовал боль от ран.

На четвертый день он рискнул подняться, добрался до двери. Яркий солнечный свет ударил по глазам с такой силой, что в голове загудело, как от дубины. Он прикрылся одной рукой, другой ухватился за косяк. Долго смотрел сквозь пальцы на широкий двор, где торопливо двигались странно одетые люди, с истошным квохтаньем пронеслась курица, за ней мчался петух, у коновязи фыркают кони...

На той стороне двора из лачуги несутся удары молота по железу. Крыша в дырах, дымок пробивается через все щели.

Он качнулся, шагнул через порог. Ноги все еще казались тяжелыми, но когда солнце обрушилось на плечи, во всем теле прибавилось сил. По коже потекло тепло, проникло под кожу. Его прожгло солнечными лучами, как кленовый листок, мышцы начали разбухать. Он почувствовал, что сгорбленная спина распрямляется.

Из кузницы вышел кряжистый мужик. Ниже среднего ро-

ста, но вместо плеч – глыбы, голова сидит прямо на плечах, грудь выпячивается широкими валунами. Кузнец вытирал лоб закопченной ладонью, отчего и на лице остались пятна сажи. Волосы на лбу перехвачены узким кожаным ремешком. Хотя закрывали уши, Фарамунду почудилось, что правое ухо срезано или срублено.

Он вздрогнул, кузнец метнул на него настолько острый взгляд, что Фарамунд ощутил укол.

– Эй, – позвал кузнец хрипло. – Ты кто?

Фарамунд подошел ближе. Он старался улыбаться как можно дружелюбнее, все-таки чужак, подобрали и кормят из жалости...

– Меня зовут Фарамунд, – ответил он. И добавил: – Наверное.

Кузнец пробурчал подозрительно:

– Это так шутишь?

– Да нет, – ответил Фарамунд поспешно. – В самом деле не знаю. Меня так по голове ударили, что все вышибли. Даже настоящего имени не помню...

Кузнец оглядел его с головы до ног. Фарамунд переминался с ноги на ногу, чувствуя себя покинутым и несчастным. Вместе с тем в глубине души нарастал странный гнев.

– Такое бывает, – сказал кузнец знающе. – Я знал одного... Только через год вспомнил! И то не сам.

– А как? – спросил с надеждой Фарамунд.

– Да помогли.

– Может... и мне можно так?

– Можно попытаться, – ответил кузнец. – Да захочешь ли...

– Хочу!

– Тогда подставляй лоб. Сейчас шархну кувалдой... Тот тоже вспомнил все, а к утру помер от ран. Ох, и бой тогда был!.. Готы шли через эти земли... Ладно, Фарамунд так Фарамунд. А меня зовут Гнард Железный. Вообще-то ты мог быть подмастерьем. У тебя фигура молотобойца. Руки, плечи, грудь... А ну покажи ладонь!

Фарамунд затаил дыхание. Старый кузнец щупал ему ладонь, разминал, тер, едва не нюхал.

– Да, мог быть, – определил Гнард с некоторым затруднением. – Но давно. Когда держишь молот, то мозоли здесь и здесь... а у тебя их нет. Но мужик ты здоровый. И руки у тебя... гм... я бы сказал, что привыкли держать скорее топор, чем лопату.

– Я был воином?

– Нет, от боевого топора мозоли другие.

– Столяром?

– Нет, на столяра не тянешь. Даже на плотника! Но вот на лесоруба...

Фарамунд спросил с недоверием:

– Это ты определил по мозолям?

– У тебя вообще нет мозолей, – ответил Гнард, в глазах было удивление, рассматривал Фарамунда с подозрительной

настороженностью. – Но и на благородного не тянешь!.. У тебя не ладонь, а... как будто один мозоль расплескали по всей ладони. Тоненько так это... но твердый, как конское копыто. Ладно, ты пиво хоть пьешь?

– А что такое пиво?

Гнард рассмеялся:

– Пойдем, угощу. Расскажу про пиво... и про женщин.

– Про женщин? – не понял Фарамунд. – Почему про женщин?

– А про что же еще говорить? – удивился Гнард.

Перед глазами Фарамунда возникло чистое девичье лицо. Как воочию увидел гордо приподнятые скулы, длинные ресницы и лучистые глаза, прямой нос, пухлые губы, красиво изогнутые, очерченные с предельной отчетливостью.

– Как остальные? – спросил он. – Люди, которые подобрали меня раненым?

Гнард хмыкнул:

– Да люди как люди. Все готовятся ехать... А их хозяйка... надо сказать, что более прекрасной я не видел за всю жизнь, сейчас с Фелицией, это наша хозяйка, жена Свена, в людской. Прядут или вышивают, не знаю.

Укол в сердце был неожиданно острый. Заныло, словно он недополучил солнца и воздуха, что не видел ее эти несколько дней, пока валялся в полузабытии.

Гнард обнял его за плечо, повел через двор. Дверь лачуги Киззика, который один умел варить пиво, распахнута на-

стежь. Оттуда, как пар, выкатываются плотные запахи чего-то кислого, терпкого...

Фарамунд торопливо осматривался на ходу. Бург, в который он попал, это такие длинные двухэтажные дома, что сходятся углами, а кое-где попросту переходят один в другой. Стоят по кругу, глядя на мир узкими окнами-бойницами. Есть и ставни: из дубовых досок, крест-накрест полосы из настоящего железа, штыри в стену вбиты глубоко. Пока выдерешь, двадцать раз голову пробьют. Хватит трех домов, чтобы образовать внутренний дворик, но в бурге Свена четыре добротных дома из толстых бревен, ошкуренных и просмоленных...

Внутренний двор широк, просторен. Колодец, коновязь, с внутренней стороны к стенам прилеплены мастерские, начиная от кузницы и кончая выделкой седел.

Больше рассмотреть и понять ничего не успел: Гнард впихнул к Киззику, закрыл дверь.

А за пивом, это такое слабое горьковатое пойло, он узнал не только про женщин, но и про саму крепость Свена из Моря, грозного и могучего воина, который в бою приходит в ярость, грызет щит, а силы его удесятятся. Говорят, в приступе священного боевого гнева он становится неуязвим. Хотя почти из каждого кровавого боя он выходил, залитый кровью, как чужой, так и своей, но свои раны оказывались неглубокими, на нем заживало легко и быстро, а славой собрал под свою руку самых отпетых разбойников этих земель.

Простых поселян заставил построить эту деревянную крепость, а их обложил на удивление малым налогом. Потому в селах, что под его защитой, народ плодится, иной раз из других краев приходят на эти земли и селятся, получая от него защиту.

В самой крепости вырыты глубокие подвалы, стены укреплены бревнами и досками. Запасены не только бочки с вином, но и мешки с мукой и зерном на случай долгой осады. Есть в избытке копченое мясо, окорока, свиные туши. В крепости, как уже и сам заметил Фарамунд, две просторные конюшни, кузница, собственная оружейная, хоть и плохонькая, отдельно барак для воинов, два строения для челяди. В крепости есть даже собственная провидица, что говорит о богатстве и знатности Свена, ведь лишние рты могут позволить себе держать только очень богатые и сильные люди...

– Что за провидица? – спросил Фарамунд.

Гnard довольно оскалил щербатый рот. Глаза стали масляными.

– Выше по реке была крепость римлян. Давно уже! Ну, не сама крепость, а вилла... Богатая, пышная, про нее всяк сказки рассказывал!.. Когда через эти земли прошли готы, римлян как корова языком слизала. Нет, убежать не успели. Думали отсидеться за крепкими стенами. Когда ворвались, то с мужчинами понятно что сделали, а с женщинами... тоже понятно... ха-ха!.. Одних продали, других разобрали по племенам, где те скоро и перемерли. Но одна осталась. Гово-

рят, она была дочерью самого хозяина виллы. Ну, теперь не проверишь, чья она была дочь... Выжила, хотя прошла через руки всех разбойников, а среди них были такие страшилища, что другая от одного вида померла бы... ха-ха!.. Но эту передавали из рук в руки, пока не осталась доживать свой век здесь. По правде, она не так уж и зазря хлеб ест. Знает лечебные травы, сама бывала в дивных странах. Пока не было особых забот, ее слушали, а сейчас не до нее... Вообще-то ты загляни к ней.

Фарамунд удивился:

– Зачем?

– Да так просто. Она многое знает! Вдруг сможет тебе сказать, из какого ты племени?

Фарамунд пробормотал угрюмо:

– Вряд ли...

Глава 3

Сизые волны дыма медленно и лениво поднимались к потолку. Там клубилось темное облако, что вытягивалось в круглую дыру в потолке. В узкие бойницы пахнуло свежим воздухом, струи дыма задвигались, свиваясь в причудливых драконов. Огни на факелах затрепетали чаще, огоньки вытянулись к двери, с кончиков полетели мелкие искорки, сторая на лету.

Поблизости похрапывали слуги и челядины Свена. Воздух стоял плотный, пропитанный запахами свежих конских каштанов, конского и мужского пота. Кто-то вскрикнул, попытался вскочить спросонья, шарахнулся головой, выругался и заснул снова, убедившись, что видел только сон.

Фарамунд лежал неподвижно, в голове еще слышался грохот, словно неспешно двигались жернова. Но теперь они перетирали не камни, от треска которых разламывало крепкий череп, а всего лишь шуршащие зерна. Да и то останавливались все чаще и чаще, и тогда он отчетливо слышал даже голоса за тонкой дощатой перегородкой.

Пытался вспомнить, кто он, но жернова задвигались, вместо зерна снова затрещали камни, острая боль вонзилась в виски. Перевел взгляд на стену, подумал, в самом ли деле им тут дали приют или утром выгонят, и боль сразу затихла, испарилась.

Все, что он знал о себе, что его подобрали настолько израненным, что он должен был умереть к вечеру. Но оказался здоров настолько, что уже может встать, выйти во двор, хотя все еще держится за стенку. Говорили о каком-то метком выстреле, которым он сразил вожака разбойников, но это тоже смутно, он только и помнит раскалывающую голову боль, непослушное тело, оскаленные лица, отчаянные глаза девушки....

Что-то неясное заставило тихонько подняться. Сено мягко зашуршало. Дверь конюшни висит неплотно, в щели пробивается призрачный колдовской свет. Он осторожно коснулся прогретых животным теплом досок.

Чуть скрипнуло, дверь ушла в сторону. На темном небе холодно блистают звезды, огромная луна заливает все холодным светом, способным поднимать из могил мертвецов, придавать колдунам недобрую мощь.

С дрожью во всем теле он видел, как огромный черный зверь старательно преследует по небу яркий диск, гасит звезды и все старается проглотить луну, но та всякий раз либо выскальзывает, либо, проблуждав по его внутренностям, прорывает бок и победно вываливается наружу, еще более чистая, омытая вражеской кровью.

Поднялись из земли и пошли, убыстряя шаг, призрачные тени римских легионеров. Он отчетливо видел их стройные ряды, что смешались только в момент, когда налетел ветер и понес их в сторону древних руин, когда-то бывших римской

крепостью. Вместе с ветром долетел едва слышный глас Ночного Зверя, который может ослепить путника, если у него нет амулета, а у холма мелькнули едва заметные горбатые спинки народца Холмов, что живет в подземных норах.

— Кто я? — прошептал он. В груди расплывалась тупая боль. — Что со мною?

Челядь еще спала, но он проснулся мгновенно, разом вспомнив, что с ним случилось с того момента, как он открыл глаза и увидел склонившееся над ним прекрасное лицо молодой девушки. У нее такие звездные глаза, яркие и чистые...

Из могучей груди вырвался вздох. Еще бы вспомнить, что было раньше!

В помещении воздух был сухой и теплый. Мирно посапывает кузнец Гnard, от очага веет сухим жаром. Угольки шуршали, пощелкивали, в трубе завывало на разные голоса. Внезапно с треском лопнуло горящее бревно, багровые угольки раскатились по земляному полу. Гnard всхрипнул, проснулся. Глаза дикие, тут же принялся сгребать багровые комочки поленом, а пламя острыми, как наконечники копий, языками уже лизало котел.

Утром Долм, старший конюх, оглядел Фарамунда с головы до ног оценивающим взглядом:

— Он еще не годен таскать бревна... но навоз убирать может. Как думаешь, хозяин?

– Бери, – согласился Свен. – Хотя он не наш, а человек Лютеции... но пусть отрабатывает хлеб...

– У меня отработает!

– Только не чересчур, – предупредил Свен. – У него раны еще не закрылись.

В голосе хозяина крепости звучала холодная заботливость хозяина о своей скотине, которую надо кормить и не доводить до того, чтобы пала.

Долм поманил Фарамунда:

– Иди сюда. Отныне жить и спать будешь здесь. В конюшне.

Из раскрытых ворот вкусно пахло свежим сеном, несло теплым навозом. Фарамунд шагнул вслед за конюхом. Конни фыркали и чесались, в полутьме их глаза блестели дружелюбно.

Долм буркнул:

– Спать будешь вон в том стойле. Пока оно свободно, но когда приведут коня, тебе придется поискать что-то еще... В куче навоза можно, ха-ха!.. По крайней мере, тепло.

С этого дня он спал на сене, вывозил навоз, чистил коней жесткой скребницей, а когда повели на перековку, помогал даже кузнецу с инструментом. Из-за того, что поселили не с людьми, а с животными, хоть и с благородными конями, его сразу зачислили в отребье. Даже этим неудачникам, что кормились самой черной работой, надо иметь кого-то для шуток и издевок, а с того дня, как заболел и помер горбатый Вапля,

все ходили угрюмые и разряжались только в частых драках.

Разнеся слух, что с севера, помимо только что прошедших готов и герулов, надвинулись еще неведомые народы. Не грабители, а идут всем племенем, все сжигая на пути, убивая даже женщин и детей, что значило: ищут новое место для поселения. За конными отрядами тянется видимо-невидимо повозок, где прячутся женщины и дети, а следом гонят свой скот и захваченные стада.

Тревор все же готовился при первой же возможности покинуть крепость Свена. Больше всего настаивал Редьярд: бесился при виде хозяйских взглядов, которые Свен все чаще бросал на Лютецию. В крепости уже знали, что гости вот-вот покинут крепость. В кузнице перековывали коней, в оружейной работали дни и ночи, заново подгоняя доспехи, оружие. Тщательнее всего готовили подаренную Свеном старую повозку. Тревор не хотел, чтобы развалилась в тяжелой дороге или движение задерживалось из-за частых поломок.

Самые беспокойные кони давали ему расчесывать себе гривы, преспокойно позволяли брать за задние ноги и рассматривать приколоченные подковы. Он завозил на большой одноколесной тачке овес, вывозил навоз, поил и скреб их жесткими щетками.

Женщины бурга во главе с Фелицией, женой Свена, вечерами обычно пряли на втором этаже, на галерее, все старались сесть поближе к перилам, можно посматривать, кто ку-

да идет и что несет. Когда руки круглые сутки заняты пряжей, все станет интересным, даже курица, пьющая воду, или бредущая вдоль забора свинья.

Лютеция присоединилась к ним уже на второй день. Прялка в ее руках вертелась быстро, нить никогда не рвалась, среди девушек бурга она сразу засияла, как редкий драгоценный камешек.

Лютеция заметила, что наибольшее оживление всякий раз вызывает новый конюх. Вывозил ли он навоз или же толкал перед собой тачку с мешками зерна, здесь на веранде ахали и восторженно вскрикивали. В самом деле, широкая мускулистая спина отсюда сверху видна особенно эффектно. Каждый мускул, каждая мышца прорисовываются четко, рельефно, черные волосы прячут шею, падая на плечи, а руки словно обвиты сытыми змеями.

Фелиция по-хозяйски наклонилась над перилами, взгляд ее голубых глаз был задумчив.

– Мне все кажется, я его где-то видела...

– Где? – вырвалось у Лютеции.

– Сейчас припомню... Вот эта фигура... Именно это лицо...

– Ну-ну!

Хозяйка покачала головой, на лице отразилось разочарование:

– Вспомнила... Когда-то меня маленькой взяли на римскую виллу. Там у входа, я хорошо помню... Да, у самого

входа я наткнулась на статую их бога! Не помню, какого. У них они все мускулистые, с красивыми телами. Так вот этот конюх... гм... как будто с него лепили ту статую. Точнее, вырубили. У них все статуи из белого мрамора.

Служанки захихикали. Фелиция прикрикнула, их пальцы быстрее забегали по шерстяной нити, но девушки то и дело поглядывали во двор.

Клотильда хитро взглянула на Лютецию. Голосок служанки стал таинственным:

– Госпожа, а как вы думаете?

– О чем?

– Ну, – сказала Клотильда смущенно. Хозяйка не обязана думать об этом конюхе, как простая служанка. – Кто этот человек... Что с ним случилось? Неужто в самом деле можно так стукнуть по голове, что череп цел, а вся память оттуда вылетит?

Лютеция сказала холодно:

– Не знаю, я не воин. Я бы скорее предположила, что какая-то женщина ему настолько вскружила голову, что он ее потерял вовсе.

– Женщину? – не поняла Клотильда.

– Не женщину, глупенькая. А голову... Голову потерял свою. И свой разум.

– А такое бывает? – воскликнула Клотильда.

– Дядя рассказывал... – голос Лютеции стал тихим, глаза заволокло мечтательной дымкой. – Бывает любовь... Тогда

человек бросает все... что у него есть, снимает свои одежды правителя...

– Даже правителя?

– Не перебивай! Так интереснее.

– Молчу-молчу. С одеждами правителя – да, интереснее.

– Снимает одежды и уходит в дальние страны.

– Дальние страны... Как интересно! Это мы – дальние страны? Рассказывайте, госпожа, рассказывайте!..

Но Лютеция спохватилась, лицо стало строгим и надменным. Клотильда поспешно уткнулась в работу.

Долм осмотрел коней с одобрением, кивнул:

– Говорят, не помнишь, кем был?

– Не помню.

– Так я тебе скажу, – сказал Долм.

– Кем?

– Хорошим конюхом, – заявил Долм. – Ты знаешь, как смотреть за ними. Я тебя даже не учил, как замазывать трещины в копытах, ты сам додумался. Или знал?

Фарамунд призадумался, но в черепе оставалось пусто, как на пепелище.

– Не помню. Ничего не помню!

Долм смотрел оценивающе, даже отступил на шаг, чтобы оглядеть странного человека с головы до ног. А чтобы посмотреть на его плечи, отступить надо было обязательно, да еще и повернуть голову сперва в одну сторону, потом в дру-

гую.

– А верхом ты ездил?

– Не помню, – ответил Фарамунд убито.

– Ладно, – сказал Долм со смешком, – это мы сейчас увидим.

– Как?

– Почему бы тебе не попробовать сесть верхом? Прока-
тись чуть по двору! Может быть, что-то вспомнишь.

Кони вскинули головы, на Фарамунда из каждого стойла
смотрели добрые коричневые глаза. Он любил коней, они его
знали и любили. Долм, похоже, нарочито не сказал, на какого
коня можно сесть.

Фарамунд остановился возле могучего вороного жеребца.
Тот вскинул голову, мощные челюсти все еще перетирали
отборный овес. Несколько мгновений они смотрели друг на
друга. Фарамунд ощутил толчок в груди.

Долм вытаращил глаза, когда Фарамунд вывел жеребца:

– Ты что? Сесть на этого зверя?

– А что, скинет?

– Не обязательно, – ответил Долм, он широко улыбался, –
но и слушаться не станет. Он знает только самого хозяина...

Фарамунд быстро оседлал, его пальцы ласково коснулись
подрагивающей кожи умного сильного зверя. Долм ахнул,
когда этот человек вскочил в седло, не коснувшись стре-
мени.

Жеребец дико заржал, то ли от изумления, то ли оскор-

бившись, поднялся на дыбы. Крепкие копыта замолотили по воздуху с такой силой, что разбили бы любые черепа вместе со шлемами.

– Останови!..

Фарамунд услышал далекий удаляющийся крик. Мимо мелькали стены. Далеко впереди блеснул свет, ворота распахнуты, в бург медленно заезжает повозка.

Он успел увидеть насмерть перепуганное лицо, вскинутые руки, словно возница защищался от призрака. Конь каким-то чудом перемахнул наискось повозку, под копытами загремела сухая, утрамбованная колесами земля.

Ветерок превратился в сильный встречный ветер. Копыта стучали часто, стук перешел в мелкую дробь, словно из порванного мешка сыпался сухой горох.

Он ощутил, что конь слушается и что, самое дивное, он сидит на нем так, как будто родился и жил в седле. А этот могучий зверь несется уже, как птица, над землей, словно огромный стриж! Ветер свистит в ушах, треплет волосы, а грудь разбухает, то ли раздуваемая ветром, то ли потому, что изнутри рвется неведомое ликование...

Дурацкое ликование, ведь он раб, он слуга этих людей, но почему так счастлив, так безумно рад, что земля несется навстречу, исчезает за спиной, ветер уже не треплет волосы, а дергает, далекий горизонт приближается быстро! Оттуда появляются дома и деревья, но дальше еще мир, еще люди, еще неведомые страны, еще Неведомое...

Он внезапно заорал, завопил, даже пытался свистеть, но воздух раздувал рот и выворачивал губы, вбивал свист обратно. Ноги напряглись, он чувствовал, что вот-вот взлетит в небеса, что с ним творится нечто неведомое, непонятное...

Конь начал хрипеть, с удил срывались клочья желтой пены. Он сам хотел мчаться и мчаться, но бока покрылись мылом, раздувались часто и бурно, словно жабры у выброшенной на берег рыбы.

Долм вскочил с бревна, едва слышал стук копыт. Лицо его было бледным, в глазах страх.

– Цел? – вскрикнул он. – Конь цел?

– В порядке, – прохрипел Фарамунд. Его раскачивало в седле от усталости. – Он как ветер...

– Еще бы! Это же конь Свена! Если бы с ним что случилось, хозяин бы нам обоим головы снял...

Фарамунд не слез, а сполз по мокрому боку измученного животного. Долм подхватил под уздцы, бегом повел по кругу, охлаждая, не давая запалиться дорогому жеребцу. Когда он, сделав круг, приблизился, Фарамунд спросил сипло:

– Я точно был конюхом?

Долм бросил на него свирепый взгляд, в котором были страх и отчаяние. В следующее мгновение Фарамунд видел только удаляющуюся спину старшего конюха и блестящий от пота круп жеребца.

Впрочем, теперь он и сам чувствовал, что вряд ли был именно конюхом.

Стаи воробьев с веселым щебетом бросились расклевать конские каштаны. Сквозь тучи проглянуло слабое солнышко, непереваренные зернышки овса заблестели, как крупинки янтаря.

Он перевернул тележку, вытряхнул. Колеса почти не вращаются, подумал угрюмо, надо попросить кузнеца поправить, иначе проще вместо колес поставить полозья.

Воробьи чуть отпорхнули с дороги, а он покатил тележку, толкая впереди себя. Голова сегодня не болит, даже когда тупо пытается проломиться сквозь стену: кто он? Что с ним было? Как его зовут на самом деле?

Тележка вдруг остановилась, будто налетела на пень. Дорогу загораживал толстый, поперек себя шире, массивный мужик. Брюхо выпирало из-под полотняного передника. Рядом с ним стояли еще двое, Фарамунд ощутил на себе их наглые ощупывающие взгляды. Тоже крепкие, пропахшие деревом, смолой, стружками, все трое явно плотники...

– Ты... эта... – прогудел мужик в переднике. – Ты эта... чего?

– Что? – спросил Фарамунд. – Просто работаю.

Они некоторое время рассматривали его, один даже обошел со всех сторон. Фарамунд почти наяву увидел, как мучительно во всех трех черепах бьется одна и та же мысль: что же такое учинить, если к Неяссе не пойти: там старший конюх забавляется, к Голунде тоже не заглянешь – дворецкий

почтил вниманием самую пышную бабенку, а пива больше не подадут...

Наконец самый толстый, который в переднике, с некоторым изумлением указал пальцем:

– У него ж сапоги почти новые!..

– Да, – согласился второй. – Мне впору.

– Ну, нет, – оскорбился третий. – За них Киззик даст не меньше, чем по две кружке пива на каждого!

Оглянулись на самого массивного, тот вытер руки о передник, подбоченился. Глаза его не отрывались от сапог на неподвижном Фарамунде.

– Да, – раздался его густой голос, похожий на рев. – Да.

– Что «да»? – переспросил первый быстро. – Отдаешь мне сапоги?

– За пиво! – крикнул второй. – Носач, за пиво!

– За пиво, – бухнул толстяк, которого звали Носачем.

Первый повернулся к Фарамунду:

– Эй, чужак! Быстро скидывай сапоги.

Фарамунд тупо уставился в их лица. Все трое стояли такие огромные, сильные, здоровые, что он сразу ощутил не только усталость после тяжелого рабочего дня, но и как ноют еще не зажившие раны.

– Это мои сапоги, – прошептал он.

– Уже нет, – весело сказал второй. – И даже не Куцего. Они уже Киззикины.

А первый добавил с кривой усмешкой:

– И вообще это уже не сапоги, а шесть кружек пива.

Во взгляде его было сожаление. Фарамунд попробовал обогнуть их с тележкой, но они со смехом загораживали дорогу. Он беспомощно поднял голову. Из окон кое-где выглядывали смеющиеся бессердечные лица. Мужчины и женщины смеялись над его беспомощностью.

Он попятился с тележкой, повернул и попытался объехать их слева, но гигант Носач выставил ногу, и колесико уперлось как в дерево.

Фарамунд попросил торопливо:

– Пропустите меня. Мне надо в конюшню.

– Так иди, – разрешил Носач. – Только сапоги оставь.

– Кони тебя и босым узнают, – добавил первый.

А второй, которому это наскучило, или же торопился вкушать пива, грубо ухватил Фарамунда за плечо, развернул и ударил кулаком в лицо. Боль ожгла скулу, Фарамунд отшатнулся, его левая нога поднялась, словно он пытался сохранить равновесие, но вместо этого каблук ударил в колено обидчика.

Тот охнул, выругался, бросился, ковыляя, вперед, потому что помощник конюха сам упал от толчка на спину. Его бы хорошо ногами, лежачего, можно запинать до смерти, но тот неожиданно перевернулся через голову и встал на ноги.

– Убью! – заорал дико Куцый.

Он ринулся, размахивая крепкими желтыми кулаками. Фарамунд слегка сдвинулся вправо, затем влево, так подска-

зывало само тело, а ему некогда спорить, его собственный кулак неуловимо быстро метнулся вперед. Пальцы другой руки захватили за кисть руку противника, тело разом согнулось... Он услышал хруст лопнувшей чужой переносицы, затем тяжелое тело перевалилось через спину. Снова хрустнуло, а третий раз хруст раздался в тот момент, когда Куцый обрушился на землю и застыл там, раскинув руки. Лицо было кровавой маской, оттуда толчками выбивался бурунчик крови. Сломанная в броске через спину рука была неестественно вывернута.

Мгновение двое смотрели, выпучив глаза, затем оба бросились остервенело и слаженно. Фарамунд отступил на шаг, уклоняясь от ударов. Руки задвигались словно сами по себе. Тело увертывалось, а когда он каким-то образом сумел ухватить второго и завернуть к себе спиной, нога ударила с такой силой, что он сразу с холодком ужаса понял, что позвоночник этого дурака сломан...

Носач схватил его за плечо, пальцы сжались, как железные. Огромный кулак метнулся прямо в голову Фарамунду. Мелькнули налитые бешеной злобой глаза плотника. Кулак просвистел мимо, чуть задев ухо, а он рывком освободил плечо, ударил великана в середину груди, а затем, развернув, сильным толчком швырнул в стену.

До стены было не меньше десяти шагов. Однако Носач пронесся, как олень, стена задрожала от удара. Мускулистый толстяк сполз по ней, похожий на огромный жирный плевок.

Фарамунд стоял, весь дрожа от страха и ярости. В чере-пе безумной чередой проносились страшные картины мести: все сжечь, всех убить, растерзать, вешать на стенах, пламя пожара, крики...

Он шумно вздохнул. Он стоял посреди двора, в трех ша-гах перевернутая на бок тележка, а три неподвижных тела... нет, второй очнулся, стонет, пытается ползти, волоча за со-бой вытянутую ногу. За ним полоска темной в пыли крови.

Не зная, что делать, он поднял тележку и пошел, толкая ее перед собой, к раскрытым дверям конюшни, как делал все эти дни.

Старший конюх, посматривая на него опасливо, привел его к Свену. Тот оглядел с головы до ног, сказал резко:

– Я не знаю, кто ты. Говорят, тебя нашли без памяти. Но, кто бы ты ни был, ты искалечил мне троих лучших плотни-ков!.. Я мог бы повесить тебя сразу, но сперва хочу спросить, зачем ты это сделал.

Фарамунд сказал с мольбой, хотя в душе разгорался гнев:

– Хозяин, они сами на меня напали.

– Напали? – прорычал Свен. – За вами следило слишком много глаз. Мне сказали, что мои люди хотели всего лишь снять с тебя сапоги.

– Но это мои сапоги, – сказал Фарамунд. – А я человек госпожи Лютеции.

Свен сказал раздраженно:

– С Лютецией я договорюсь. В конце концов, все вы сидите на моем хлебе, пользуетесь моей защитой. И все, что у вас есть, это мое по праву как давшего вам защиту. Что ж, у тебя не нашлось доводов в свою защиту. Зато мои люди видят, что никого не вешаю по прихоти, а только по закону. Эй, взять этого... и повесить! Сейчас же, прямо на воротах.

Воины за спиной Фарамунда выставили копья. Еще двое зашли с боков, один сказал благожелательно:

– Парень, протяни руки! Закон есть закон.

Фарамунд покорно выставил руки. Если за миг до того он чувствовал себя так, что тело готово было само броситься на этих людей, выхватывать копья, бить, крушить, ломать, то эти странные слова о законе заставили дать связать себя крепко, а потом так же покорно повести через двор к воротам.

Низкие тучи ползли тяжело, едва не задевая крыши. Теддик, как кошка, вскарабкался на ворота, моток веревки на плече. Оглянулся:

– Хозяин, по какую сторону ворот вешать?

Свен отмахнулся:

– На этой, конечно. Чтоб другим неповадно...

Теддик передвинулся чуть влево. Быстрые пальцы умело и ловко закрепили на торце веревку. Петля опустилась вниз, раскачивалась зловеще.

– Так?

Свен поколебался:

– Погоди... лучше на той стороне стены. У него тут никого нет, никто за ним жалеть не будет. А с той стороны кого-нибудь да отпугнет.

Теддик подтянул к себе петлю, недолго развязывал узел на столбе, перебрался к другому. Из домов выходили любопытные, кое-кто вывел детей, чтобы посмотрели на зрелище.

Фарамунд видел, как на него засмотрелась крохотная девушка с золотыми волосиками. Глаза у нее были чистые, синие. Когда встретилась с ним взглядом, застеснялась и уткнулась в материнский подол.

Двое воинов отворили ворота. Фарамунда вывели, сверху опустилась грубая, с торчащими волокнами петля.

Копья подтолкнули его в спину. Кто-то сказал сзади благожелательно:

– Это только кажется, что долго. На самом деле... раз – и все!

Услужливые дети принесли табуретку. Фарамунда заставили подняться на нее, петля раскачивалась перед лицом.

Свен стоял в сторонке, хмыкал. В толпе раздались смешки. Страж сказал раздраженно:

– Наклони голову! Как я петлю одену?

Фарамунд нагнулся. Шершавая веревка царапнула по ушам. Все это время в голове было тупое недоумение. Не верилось, что все вот так оборвется. Что табуретку выбьют из-под ног, а жесткая петля сдавит горло, в глазах потемнеет... И самое главное, самое главное: он никогда больше не

увидит... Лютецию.

В груди вспыхнул жар. Нет, он не даст себя повесить. Иначе не увидит Лютецию. Надо сейчас же...

– Стойте!.. – раздался издалека крик. – Остановитесь!

Из конюшни, где по-прежнему ночевали гости, переплывшие реку, выскользнула светлая, как сон, Лютеция.

Золотые волосы убрать в косу не успела, они, как солнечная волна, блистали в хмуром ненастном дне. Кроткие синие глаза на этот раз сверкали гневом.

– Стойте! – повторила она. – Остановитесь!..

Палач вопросительно посмотрел на Свена. Тот угрюмо уставился на прекрасную гостью. В распахнутых дверях конюшни показался Тревор. В одной руке держал пустой кувшин, другой рукой с наслаждением расчесывал грудь.

– Что случилось? – поинтересовался Свен с наглой ленцой.

Лютеция выкрикнула возмущенно:

– Это оскорбление мне! Никто не может вешать моих людей без моего позволения.

Свен поклонился. Фарамунд видел по его лицу, что он чувствовал себя не только хозяином положения, но и правым абсолютно, потому сказал громко, с иронией, чтобы слышали все:

– Дорогая Лютеция! Я уступаю тебе право повесить человека, который искалечил троих моих людей. Заметь, это были хар-р-р-рошие плотники. Один вряд ли доживет до ве-

вчера, а двух недельку-другую будут залечивать. Да и, кроме того... я как-то щадил вас всех... беглецы, сами боги велют таким помогать, но теперь, вижу, пора. Надо бы оформить наши договорные отношения. Как коммendaцию, к примеру.

Лютетия, явно смущенная, повернулась к Фарамунду. Тот с петлей на шее тупо смотрел на нее, на весь этот необъятный двор.

– Отвечай, – спросила она строго, – почему ты побил их так жестоко? Разве не разумнее было бы отдать сапоги?

Фарамунд понял, что надо отвечать, с трудом разлепил спекшиеся губы.

– Они напали.

– Да, напали. Но ты... слишком жестоко! Простолюдин не должен позволять себе такой ярости, какая свойственна только людям благородного происхождения!

Фарамунд прошептал:

– Это не я их бил...

– А кто?

– Кто-то другой, – ответил он убито. – Я сам не знал, что буду драться...

На него смотрели во все глаза. Кто-то помянул богов Ночи, кто-то сплюнул и сделал отгоняющий злую силу знак. Сквозь толпу протискивался, как могучий тур, Тревор. За ним спешил Редьярд с бесстрастным, как всегда, лицом. Лицо старого воина было угрюмое, серебряные усы ярко оттеняли темную кожу. Маленькие медвежьи глазки смотрели с

сонной недоброжелательностью.

– Погодите... – буркнул он. – Мне этот... Фарамунд, если его так в самом деле зовут, мне он тоже не нравится. Я сам предлагал не раз его прирезать и бросить. Но если он умеет так драться, то дурастью было бы не воспользоваться этим... Плотники, да... жалко. Плотники везде нужны. Особенно хорошие. Но зато можно взять стражником. Или воином! Отсрочить смерть... посылая его всегда в первые дозоры.

Кузнец кашлянул, сказал, ни к кому не обращаясь:

– Хороший воин стоит двух плотников. А то и трех.

– Подумай, Свен, – сказал Тревор.

– Умоляю, – сказала Лютеция. – Будьте милосердным.

Свен налитыми кровью глазами смотрел на человека с петлей на шее. Грудь его медленно поднялась, он задержал дыхание, затем с шумом выдохнул:

– Решено. Если наша дорогая гостья подарит этого человека мне... то я своей властью дарую ему прощение. И дам оружие. Конечно, при условии, что даст клятву не обращаться его против меня! На этих условиях я могу заменить ему смерть от петли на смерть в бою.

Лютеция краснела, бледнела, умоляюще смотрел на Тревора. Тот отвернулся, а Редьярд шепнул:

– Это единственный способ спасти его от петли.

Она выпрямилась. Голос зазвучал властно:

– Своей волей, без принуждения, я передаю этого челове-

ка в полную собственность Свена из Моря, властелина этих земель. И отказываюсь от всех прав на него!

Свен нехотя поклонился:

– Принимаю этого человека из рук благородной Лютении. Обязуюсь предоставить ему все те же права, что пользуются мои люди.

Теддик сбросил с шеи Фарамунда петлю. Голос был сожалющим:

– Вообще-то я хотел попробовать свой узел... Чтобы не сразу давил, а медленно! А то давно никакой потехи...

Фарамунд прохрипел:

– В этом краю... такие потехи... на каждом шагу...

Глава 4

Жена Свена и Лютеция сидели в людской посредине, а девки – по лавкам вдоль стен. В открытом очаге горели крупные поленья, изогнутые корни старой березы, что дают особо жаркое тепло, а также сладкий дух. Поленья то вспыхивали острыми языками пламени, то с легким треском рассыпались на крупные пурпурные угли.

В людской темновато, только когда огонь вспыхивал, Фарамунд различил выступающие балки, грубо отесанные, толстые, бесформенные от толстых мотков льна, что укрывали балки от стены и до стены. Среди глиняной посуды на длинном миснике две чашки блестели, как угли: из настоящего олова.

Лютеция усердно пряла, отрабатывая гостеприимство. Ее левая рука быстро и умело щипала лен, а правой крутила веретено. На Фарамунда вскинула на миг глаза, по губам пробежала улыбка.

Фарамунд и раньше выглядел диким человеком, а теперь, когда все почистились и переоделись, рядом с ними казался совсем зверем. Волосы спутанными прядями падали на уши, опускались, почти касаясь плеч. Брови словно бы парили над живыми, но какими-то трагическими глазами, похожие на раскинутые в полете крылья. Щеки и подбородок покрыла густая черная щетина. Когда он провел рукой по щеке, она

ясно услышала хруст, словно он ломал стерню.

Спохватившись, что рассматривает его чересчур пристально, она поспешно опустила голову. Недостойно дочери знатных патрициев так внимательно разглядывать простолюдина.

Фарамунд ощутил сладкую волну, что накрыла его с головой. Сердце дрогнуло, а грудь заполнила странно горькая радость. Он переступил с ноги на ногу, развел руками:

– Госпожа! Я просто зашел поблагодарить.

Фелиция окинула его критическим взглядом. Лютеция мягко улыбнулась, но голову не подняла:

– За что?

– Вы спасли мне жизнь, подобрав раненого. Второй раз спасли, когда ваш дядя готов был перерезать мне горло. И в третий раз – когда я стоял сегодня с петлей на шее.

Хозяйка холодно улыбнулась Лютеции:

– В самом деле, дорогая, ты вовремя от него отделалась. Пожалуй, для него и раз – чересчур много. Погляди на него! Лучше бы спасла кошку или собаку.

Лютеция мягко произнесла:

– Фарамунд, я рада, что ты жив. Постарайся служить новому хозяину так же хорошо, как послужил мне.

Фарамунд развел руками, слова теснились в груди, топтались на языке, но ни одно не удавалось вытолкнуть, все цеплялись за нёбо и за десны. Сердце стучало все чаще, он чувствовал, как бурно вздымается грудь. Даже хозяйка засмот-

релась, его торс похож на выкованные из меди латы для римского legionera: широкие массивные грудные мышцы, блестящие шары плеч, а длинные, красиво вылепленные руки заканчиваются широкими, как лопаты, ладонями.

Он попал под луч солнца, скользнувший через щель в крыше. Могучая фигура вспыхнула, словно окунули в расплавленное золото. Лютеция даже задержала дыхание: этот человек пугающе красив, словно под личиной простолюдина скрывается бастард одного из сильнейших правителей мира.

Когда он вышел, так же неуклюже, как и вошел, хозяйка быстро взглянула на Лютецию. Заметила ли патрицианка, принявшая христианство, что ее бывший раб двигается неуклюже лишь потому, что смущен множеством молодых женщин? А вовсе не из-за скотской неповоротливости простолюдина?

Из набега на соседей вернулась дружина Свена. Водил ее Теддик, доверенное лицо Свена во всех делах. В бургe сразу стало шумно, забегала челядь, по двору водили коней, а в большом зале для воинов составили столы, начался пир.

Пили, как лошади после долгой скачки, долго и жадно. А потом заговорили все разом, голоса звучали громко, кубки и чаши звенели, вино плескало на грудь, на стол, на сапоги.

Тобурн рассказывал, как он голыми руками заломил великана из Грентоля, а Шеплер перебивал, все пытался поведать, какой он великий стрелок, но его никто не слушал, да

и сам Шеплер вскоре сконфузился и рухнул под стол, когда обнаружил, что все свои горячие речи произносил молча.

Фидлинг начал бросать метательные ножи в голову огромного медведя на стене, азартный Цудвиг тут же присоседился, но вместо ножа метнул свой великанский топор. Промахнулся, но тяжелый удар потряс стены, голова сорвалась с крюка. Под столом дико заорал Шеплер, когда к нему подкапталась эта морда с оскаленными зубами и уставилась мертвыми пустыми глазницами.

Аганарис и Зундвиг затеяли спор, кто лучше владеет мечом. Сперва дрались, показывая удары, потом разъярились, хмель ударил в голову. Наконец Аганарис отпрыгнул, плечо в крови, Зундвиг заорал победно, но Аганарис, ярясь, закричал, что это пустяки, в бою это не в счет, а вот кто останется на ногах... Он в самом деле наседали с такой яростью, что потеснил Зундвига, но затем все услышали глухой удар, сам Аганарис вздрогнул и рухнул на пол с разрубленной головой.

Об него спотыкались, кто-то наконец оттащил под стену, там он и пролежал, истекая кровью, а к утру даже застыл.

Странное томление, подобное тому, что заставляет дерево оживать весной и гнать соки из холодной земли вверх по застывшему стволу, не давало покоя, бредило душу. В груди сжималось, он чувствовал подступающие вроде бы без причины слезы. Кулаки стискивались, все чаще смотрел на небо, где проносились серые птицы.

Вспомнил совет кузнеца, поколебался, однако ноги уже сами понесли на задний двор, куда выгнали на кормежку свиней. Весь двор хрюкал, визжал, двигался, как солнечные блики через ветви деревьев. Свиньи толпились у длинного корыта, поросята носились по двору, верещали, затевали игры. Он протолкался через грязное хрюкающее стадо. На той стороне двора тянулся сарай, в самом конце горбилась неопрятная хижина, дверь висит на одной веревочной петле.

Он осторожно отвел дверь в сторону. Изъедена жуками, вот-вот рассыплется. Тесное помещение озарял красноватый свет, а воздух сухой и жаркий. Дряхлая сгорбленная женщина дремала перед очагом, что занимал почти половину помещения.

Огонь весело лизал чугунный котел, рассыпался бликами вдоль стены. Ложе располагалось прямо на земле, Фарамунд рассмотрел ворох старых шкур и одеял, потерявших цвет.

Под стенкой, как сгусток ночи, загадочно горбит спину настоящий сундук. Когда багровые блики падают на крышку, там предостерегающе поблескивают широкие медные полосы, крупные шляпки бронзовых гвоздей.

Женщина подняла голову, на Фарамунда взглянули выцветшие от старости белые глаза с толстыми красными прожилками. Лицо было темнее и сморщенное попавшего в огонь дикого яблока.

– Что ты видел? – спросила она.

Фарамунд спросил тупо:

– Где?

– В небе, конечно, – ответила она. – На земле смотреть нечего...

Он пожал плечами:

– За мной неслись всадники на дивных конях с горящими гривами. А странные гады корчились под копытами...

Она прошептала:

– Так-так... А что еще?

– Не помню, – ответил он. – А что, это важно?

– Взгляни еще раз, – попросила она.

Не сходя с места, он приоткрыл дверь, выглянул. По синему небу двигается стадо снежно-белых зверей с пышными гривами, а за ними стремительно несутся, подолгу застывая в прыжках, мелкие звери, видно только горбатые спинки... ветер лепит из них, как мальчишка из мокрого снега, страшные фигуры, тут же меняет, перестраивает, делает еще страшнее, удивительнее...

– А сейчас посмотри в сторону леса, – раздался за спиной ее хриплый каркающий голос, – где в низине всегда гнилой туман... Что там?

Туман был как в стороне леса, так и со стороны реки. Вся крепость тонула в бескрайнем море тумана. Сейчас трудно было сказать, где кончается берег, где начинается дубрава. Туман поднимался выше деревьев. Если бы не широкий холм, здесь тоже все ходили бы почти на ощупь.

– Сейчас туман везде, – сказал он. – А там, где низина...

Отсюда вижу, как движется призрачное войско... Ого, впереди красивая женщина в длинной одежде! Глаза как лесные озера, а волосы похожи на водопад!.. А за ней трое старцев с коронами на головах... нет, уже превратились в сказочных коней дивной красоты... А над ними реет большая птица... сейчас меняясь в ящерицу с крыльями... нет, уже в крылатого оленя с золотыми рогами... И девушка... девушка с золотыми волосами...

Она слушала, кивала. Глаза ее были полузакрыты. Он прервал на полуслове сбивчивую речь, хотя мог бы сказать еще много, ведь знаки ему являются дивные и странные, любой жрец велел бы принести жертву, чтобы толковать по внутренностям.

– Присядь, – сказала она.

Он отпустил дверь, в хижине стало темнее. Сесть не на что, опустился на корточки. На спине потянуло болью, там самая глубокая рана, при резких движениях рубашка подмокает желтой сукровицей.

Женщина, словно забыв о нем, помешивала прутиком угли. Он спросил с надеждой:

– Что это за знаки?

Она открыла глаза, в них было странное выражение.

– Подумать только, – прошептала она. – А для меня там всегда только облака... Когда белые, когда серые, но... только облака. А в низине, где никакой ветер не уносит вечный туман от тех болот, только... туман. Серый туман. То стеной,

то ключьями...

– Туман? – спросил он непонимающе.

– Ключья тумана, – ответила она, он удивился глубокой тоске в ее голосе. – Для всех, кто жил здесь... это был только туман. А здесь жили самые просвещенные люди на свете! Здесь был осколочек могущественного Рима. Но увидел ты, светлый и восторженный ребенок...

Он нахмурился оскорбление – назвать сильного мужчину его роста и силы ребенком, но эта провидица не мужчина, чтобы эти слова вбить обратно в глотку вместе с обломками зубов.

– Ты в самом деле можешь видеть будущее?

– Я могу, – ответила она негромко, – видеть нити будущего... Но по какой пойдешь... Что томит тебя?

Он сказал с неожиданной злостью:

– Если бы я знал! Моя душа как в огне. Во мне так много, а выговорить я не могу. Говорят, потому волк и воет, что петь не умеет!.. Мне хуже, чем волку, я не могу даже взвыть. Меня тянет неведомая сила, как осень птиц заставляет собираться в стаи и улетать в неведомые края. Сколько их долетает?

Она вздрогнула, плечи зябко передернулись:

– Не знаю. Улетают... и улетают. Потом возвращаются.

– А я не знаю... Меня просто тянет в эти неведомые края. Где-то есть... Ну, не знаю, но что-то есть? Здесь мое тело, а сердце... или душа, уносится вдаль, перелетает через реки,

поднимается в высокие горы, видит дивные страны и народы! Если я буду здесь, а сердце – там, то я засохну без своего сердца. Я умру, и люди будут дивиться, потому что никто не поймет такой болезни...

Она долго смотрела в его лицо. Мудрые серые глаза становились все печальнее.

– Ребенок, – сказала она тихо, – какой же ты ребенок... Какая здесь страна – одни дети вокруг! Весь север заселен детьми, живущими в телах взрослых мужчин! А дети беспечны и романтичны.

Фарамунд сказал досадливо:

– Ты говоришь непонятные слова!

– Мой народ, – сказала она так тихо, что он едва услышал, – стар... Даже дети рождаются уже старыми. Мудрыми. Никто из них не погонится за промелькнувшей феей, потому что фей не бывает. Никто не пойдет раскапывать нору подземного рудокопа в поисках клада, потому что все это выдумки о подземном малом народе. Мы были мудрыми, но пришли вы... люди севера, беспечные и жестокие дети!.. Теперь наш мир в руинах, а вы на его пепелище строите новый мир... И вы его постройте, если не...

Ее голос оборвался. Он спросил нетерпеливо:

– Что?

– Если не успеете стать взрослыми, – сказала она жутким голосом, от которого у него по спине побежали мурашки. – Все империи строили дети, не успевшие повзрослеть. Взрос-

лые не строят! Они знают, что все бесполезно, что все возвращается на круги своя...

Он чувствовал раздражение. Она говорила непонятно, он уже жалел, что послушался кузнеца и заглянул к этой женщине, последней, как говорили, в этих краях римлянке, хотя так и не понял, что это значит.

– Я пойду, – сказал он, поднимаясь. – Мне надо работать.

– Иди, – ответила она так, словно от ее позволения что-то зависело. – А когда соберешься в полет, бери с собой таких же детей. Которые в облаках видят сказочные дворцы, диковинных зверей. Только такие могут перевернуть мир.

Он буркнул:

– Их все видят.

Она покачала головой:

– В моем Риме... их не видят даже дети.

От колдуньи возвращался раздраженный и еще более смятенный, чем шел к ней. Она не только не сказала, кто он, но запутала еще больше. Однако странно, эта старая женщина как будто бы поняла или ощутила отголосок той бури, что терзает его глубоко внутри.

Временами ему хотелось плакать, настолько грудь теснило странным чувством, щемящим и зовущим, словно он тоже должен был оттолкнуться от земли и полететь в дальние края, неведомые и потому волшебные, а во время полета рассматривать внизу крохотных скачущих всадников, похожие

на ручьи реки, игрушечные города...

Во дворе его словно бы ждал Свен. Хозяин стоял, широко расставив ноги, сам широкий и неопрятный, похожий на копну, морда опухла с перепоя, глаза заплыли, едва-едва смотрят через щелочки.

– Подойди сюда, – велел он.

– Слушаю, хозяин, – ответил Фарамунд покорно.

Свен придирчиво ощупал ему плечи, ткнул кулаком в грудь, заставил открыть рот и осмотрел зубы. Фарамунд чувствовал, как в груди разгорается пламя гнева.

– Вроде бы здоров, – определил Свен. – Ну, на севере, говорят, слабые вовсе не выживают... Иди за мной.

Гnard Железный, кузнец, встретил их на пороге. Свен кивнул в сторону Фарамунда, кузнец вытирал закопченные ладони в кожаный передник, Фарамунда оглядел с некоторым восхищением:

– Хоть и худой, как щепка, но такие мышцы не скроешь. Да и вообще что-то в нем есть... Эй, так и не вспомнил, кто ты есть?.. Я тоже не знаю, в каком племени встречаются парни с такими плечами и такой грудью... Хозяин, на него разве что панцирь Теда Большенога налезет! Если подлатать, конечно.

Фарамунд нехотя по его знаку сбросил рубашку. Кузнец ткнул пальцем под ребро, заставил вскинуть руки, повернуться. С другой стороны придирчиво рассматривал Фарамунда Свен.

По всему телу этого человека, найденного в лесу, вздувались багровые рубцы. Из трех самых широких все еще выступает сукровица, но в целом тело оставалось чистым. Ни шрамов, ни рубцов, словно единственный случай, когда этот Фарамунд попал в схватку, был тот, в лесу.

– А велика прореха? – буркнул Свен.

– Дык один ворот остался, – ответил кузнец весело. Хохотнул над своей шуткой, добавил деловито: – Вообще-то только бок зашить. Только турьей кожи больше нет, но воловьей заделаю.

Свен кивнул:

– Ладно, делай. Может быть, это все и зря...

– Почему зря?

– Драться кулаками, – сказал Свен, – это одно, а с мечом в руке – другое. Простолюдины не страшатся кулаков, привыкли. А вот вид обнаженной стали повергает в страх, кровь холодеет в жилах. Только отважный душой не дрогнет, не отведет взгляд!

Гnard сказал задумчиво:

– Этот не отведет. Видно же, что он из диких людей севера. А там еще не разделились на черную и белую кость. Они как звери, а железом овладели совсем недавно. Мечи у них тяжеленные, стали еще не знают, потому с мечами ходят все, от мала до велика. Слабые мрут на холоде еще в детстве, выживают только вот такие...

Свен кивнул:

– Умеет он обращаться с мечом или нет... сейчас узнаем.

Голос его звучал зловеще. Фарамунд пошел за ним следом, все еще обнаженный до пояса. Солнечные свет заиграл на его костлявых плечах, однако опытный глаз мог оценить их ширину, гибкие мышцы и толстые сухожилия, что оплели руки и весь торс, как сытые змеи.

На заднем дворе у кузницы на бревне сидели двое в кожаных панцирях, с настоящими железными шапками на головах. У обоих вид опытных воинов, лица в шрамах, оба одинаково поджарые, угрюмые, а сидят с таким видом, словно здесь все принадлежит им, а над ними только сам Свен из Моря, что на самом деле и было правдой.

– Гурган, – велел Свен, – дай свой меч этому... Фарамунду. А ты, Личипильд, проверь, умеет ли он держать в руках что-то еще, кроме вил для уборки навоза!

Воины заулыбались. Один неспешно вытащил из ножен меч, повертел в руке, хватая на лезвие сверкающие блики, затем неожиданно швырнул Фарамунду. Фарамунд поймал за рукоять, сам даже не заметил, как это случилось, только по глазам хозяина понял, что поймал правильно.

– По крайней мере, – сказал второй, – в руках держал... Но только удержит ли?

Он вытащил свой меч так же неспешно, все это время его желтые глаза цепко держались за Фарамунда, скользили по его фигуре, оценивали длину рук, ног, старались предугадать, чего ждать от этого здоровяка.

Сердце Фарамунда стучало громко, в голове снова заработали жернова. Он чувствовал страх, ибо не знал, как драться этой острой полосой железа, а воин уже приближается с недоброй улыбкой на лице. Хозяин ему подмигнул, в ответ этот Личипильд растянул губы в злорадной усмешке.

Покалечат, понял Фарамунд в страхе. Здесь они все либо в родне, либо в дружбе. И плотники, и воины, и самая последняя челядь. А он – чужак. За побитых плотников оскорблены, но что не удалось кулаками, эти сделают железом.

Личипильд сделал легкий выпад, Фарамунд в страхе отшатнулся. Личипильд захохотал, засмеялись и Свен с Гургеном. Личипильд снова сделал ложный выпад, Фарамунд отпрыгнул, под ноги попало старое ведро, едва не упал, рука с мечом описала нелепый полукруг, словно замахнулась баба с коромыслом, а удержался на ногах почти чудом.

Все трое хохотали. Личипильд, продолжая смеяться, сделал легкий выпад. Фарамунд пытался защититься мечом, но клинок не слушался, а острое жало кольнуло в плечо. Он успел увидеть глубокий порез, полоску крови.

– Первая кровь, – сказал Гурген довольно. – Давай, покажи этому дикарю...

Фарамунд отступал, отчаянно размахивая мечом. Личипильд, словно танцуя, сделал выпад, Фарамунд вскрикнул от боли. Клинок достал кровь у него из груди прямо под горлом.

– Да, – сказал Свен сожалеюще, – он же как баба с колодушкой. Нет, мне этот не нужен...

Он махнул рукой. Личипильд оскалил зубы в торжествующей усмешке. Холод пробежал по всему телу Фарамунда. В глазах Личипильда он увидел смерть. Хозяину он не нужен с таким умением. Зато, если его убьют, вся челядь будет славить Свена за справедливый суд над чужаком, что не оставил безнаказанным зверское избиение его плотников.

Страх хлестнул в голову, затопил сознание. Он пятился, тыкал мечом, пока спина не уперлась в стену. Личипильд наступал, его меч блистал, как молния, железные полосы сталкивались со звонким лязгом. Фарамунд едва не закрывал глаза от ужаса: лицо Личипильда стало страшным, в глазах торжествующий огонь близкого убийства.

Мечи продолжали стучать. Свен остановился уже на середине двора, обернулся. Гурген вскочил с бревна, возбужденно покрикивал, а Личипильд прижал чужака к стене, наносил удар за ударом, но меч всякий раз натывался на меч, клинки сталкивались с жутким лязгом. Личипильд зверел, дышал все чаще, применял хитрые удары, но чужак держался, держался, держался, хотя только оборонялся, оборонялся из последних сил... но все-таки ни один удар такого опытного бойца больше не достигал цели.

Заинтересовавшись, Свен медленно пошел обратно. Личипильд внезапно заорал, лицо было красное:

– Да сражайся же, скотина!.. Что ты играешься?

Он нанес два сокрушающих удара крест-накрест. Фарамунд подставлял меч, и, хотя Личипильд бил двумя руками,

меч в руке Фарамунда только слегка вздрагивал.

– Ах, ты ж, мразь... – прохрипел Личипильд. – Да я мать твою... Да и тебя самого... да и...

Звон железа внезапно оборвался. Свен застыл, как пораженный громом. Личипильд, гроза его воинов, все еще стоял с мечом в руках, а голова слетела с плеч и покатилась, разбрызгивая кровь, как будто бежала курица с перерубленной шеей.

Гурген заревел как раненый зверь. В мгновение ока он подхватил меч, бросился на чужака. Тело Личипильда тяжело рухнуло, ноги задержались и вытянулись. Фарамунд вытянул меч в сторону Гургена, но тот умело отбил железную полосу вверх, сам ударил красиво и неотразимо... на месте удара вместо Фарамунда лишь за клубился воздух, и тут же Гурген ощутил короткую острую боль, что, как ему показалось, пронзила его он макушки до пояса...

Он не ошибся: лезвие рассекло его надвое, как баранью тушу. Свен сделал по инерции еще шаг, остановился перед трупами двух своих лучших бойцов. Фарамунд, тяжело дыша, смотрел на него дикими глазами, которые налились кровью, как у лесного зверя. С меча струйкой стекала алая кровь.

– Ты их убил... – проговорил Свен, все еще не веря, такое не укладывалось в голове. Красные волосы зашевелились на загривке, встали дыбом. – Ты убил лучших...

– Это... были лучшие?

– Сволочь, – прохрипел Свен с ненавистью. – Теперь тебе осталось убить только меня!

– По...че...му? – прохрипел Фарамунд.

– Потому, – ответил Свен неистово, – что я должен тебя повесить за потерю лучших воинов. И повешу!

Фарамунд опустил меч:

– Что ж... Я не могу поднять на тебя меч...

Свен всхрипнул, качнулся взад-вперед. Из-под тяжелых набрякших век на Фарамунда смотрели острые рысьи глаза:

– Почему?

– Я давал клятву не поднимать на тебя оружие, – ответил Фарамунд.

Он швырнул ему под ноги меч. Даже рукоять была красной, а когда Свен перевел взгляд на руки чужака, у того руки были красные по локти.

Глава 5

Значит, я – франк, сказал он себе, когда лежал на прежнем месте в конюшне. Справа за тонкой перегородкой сопел и чесался боком Быстроног, а слева мерно хрустела овсом Белянка. Я – франк, я умею стрелять из лука, умею пользоваться мечом, а также могу драться голыми руками. Все это, как мне говорят, я умею делать очень хорошо...

Похоже, я из числа тех, кто вторгся на эти земли с севера. Или же не совсем франк, но просто меня подобрали франки. Но, скорее всего, франк, так как говорю на языке франков. А вообще-то это земля галлов. Они и сейчас здесь живут, как жили всегда. Просто однажды пришли могущественные римляне, покорили галлов. Поставили крепости, виллы, кое-где провели удивительные, как говорят, дороги. Затем в эти земли вторглись они, франки.

Что я еще знаю об этом мире? Да, где-то по-прежнему живут галлы, кое-где среди лесов засели римские гарнизоны, раскинулись римские виллы, но солдаты в уцелевших гарнизонах уже не высовывают носа за стены крепостей.

Римские виллы, как он понял по рассказам слуг, разбросаны по всему миру, однако в одних племенах рабски перенимают обычаи и повадки римлян, в других – держатся с ними как с завоевателями, и те не смеют выйти за ворота без вооруженной охраны.

Франки вторглись в эти края совсем недавно, поколение тому. Римские легионы из самого Рима на какое-то время приостановили победное шествие франков, однако стоило легионам уйти, как в здешних дремучих лесах снова собрались отряды отчаянных голов, что продолжили натиск на юг, а по пути жгут и рушат римские строения.

Он лежал, прислушивался к коням, в голове медленно укладывались эти разрозненные сведения, состыковывались. Осталось только найти то местечко, откуда выпал он...

– Фарамунд! Мигом позови Таранта! И быстро к хозяину!

Фарамунд поспешно вскочил. Он по-прежнему спал в конюшне, кони справа и слева, снизу – сено, но теперь у него были настоящие кожаные латы, что изготовил для него Гнард Железный. Когда тот узнал, что новичок сразил в поединке двух лучших бойцов, Гнард уважительно присвистнул, отложил потертые латы Теда, а для этого северного дикаря выкроил новые, утолщенные, точно по его развитой фигуре. Пояс ему отдали с убитого Гургена, а меч разрешили взять у его сраженного соратника: длиннее, закалка умелая, а что тяжеловат, так для кого-то и ложка тяжелая.

Фарамунд доспехи принял с гордостью и тайной надеждой, что Лютеция на воина уронит более благосклонный взор, чем на младшего конюха...

Тарант, низкорослый, в плохо подогнанных латах, с двумя ножами на широком поясе и двуручным топором, был простецким, дружелюбным и единственным, с которым Фа-

рамунд хоть и не сдружился, но хотя бы жадно общался, вы-
знавал все о мире, в котором очнулся.

Сейчас вдвоем, еще сонные, поторопились через двор. Перед дверью, за которой находились покои Свена, на под-
стилке похрапывали двое в латах и с мечами в руках. Они
подпирали телами дверь, так что к хозяину не ворваться, не
разбудив. Остальные воины, как уже знал Фарамунд, спят в
огромном сарае напротив главного дома.

Тарант попинал одного, тот зарычал, пальцы стиснулись
на рукояти меча.

– Зови хозяина, – велел Тарант. – Если он изволит нас
видеть, то пусть хоть небо упадет на землю...

Дверь распахнулась, а страж, не успев подняться на но-
ги, отлетел от толчка к противоположной стене. Свен сто-
ял в дверном проходе, огромный, всклокоченный. Широкие
плечи задевали дверные косяки. С каждым днем он казался
все угрюмее, широкая морда раздвигалась шире, а массив-
ная фигура бойца заплывала жиром. Из его покоев теперь
несло вином, словно хозяин бурга мыл им полы.

– Ну, – промычал он свирепо, – что-то медленно ползаете,
черепahi...

– Хозяин, – заикнулся Тарант, – да мы сразу...

– Медленно, – отрубил Свен. – Все медленно!.. А другие
– не спят, не спят.

Фарамунд молчал, а Тарант сказал угодливо:

– И мы не спим, хозяин. Только скажи, что надо сделать,

все сделаем.

Свен смерил его угрюмым взглядом, повернулся к Фарамунду. В глазах хозяина крепости было сомнение, но когда заговорил, голос прозвучал привычно властно:

– Вы отправитесь за реку. За тем лесом какое-то строительство. По слухам, Багровый Лаурс решил осесть в тех местах. Сейчас согнал людей, чтобы быстро соорудили ему крепость. Я хочу, чтобы вы разузнали все, что там делается.

Тарант спросил осторожно:

– Вы хотите... чтобы мы понаблюдали... издали?

Свен поморщился:

– Я и так знаю, что там делается. Мне важно узнать, что внутри. Сколько мечей, конников, лучников. Могут ли выдержать, если навалимся всеми силами. Как настроены селяне, окажут ли помощь?

– Помощь в набеге? – спросил Тарант еще осторожнее.

– Дурак, какой набег на бург?

Тарант поспешно поклонился:

– Все сделаем, хозяин. Можно идти?

– Идите, – разрешил Свен. – Там в амбаре возьмите по мешку орехов. Вроде бы на продажу несете...

Небо оставалось в тучах, но сегодня они поредели, поднялись к самому своду. Иногда даже угадывалось, в каком месте двигается по ту сторону туч слабый огонек. Там светлело, туча ненадолго становилась вовсе оранжевой, затем сияние

гасло, а здесь на земле снова повисали почти сумерки.

И все же лес стоял нарядный и светлый. Фарамунд замечал по дороге стайки птиц, любопытную белку, но не раз видел и зеленые волосы лесных существ, что из-за веток следили за ними большими блестящими глазами. Следовало отвернуться и сделать вид, что не заметил, иначе месть хозяев леса могла быть нехорошей.

Не раз замечал он быстро тающий на зеленом толстом мху отпечаток босой ноги с тремя пальцами, видел промелькнувший над дальними кустами зеленый гребень. Даже запах донесся странный, словно бы повеяло свежестью муравьиной кислоты, только муравьев поблизости не было.

Чуткий слух улавливал затаенный смех, почти человеческий, как однажды в буре ночью он услышал далекое ржание, долгое и протяжное. Можно бы принять за ржание коня, но какой конь в чаще, если не тот, который с одним рогом на лбу и который подпускает к себе только девственниц?

Даже деревья в роще, через которую пробирались в сторону владения Багрового Лаурса, были непростыми: настолько толстые, с наплывами, с выступающими из-под мха потемневшими от солнца корнями, что он не сомневался: почти в каждом живут местные боги, равнодушные к людям, но свирепые и могучие. Нужно идти по своим делам, не ломать ветви, не плевать в огонь и не мочиться в удивительно чистый ручей под этими исполинами, и тогда на тебя не обрушится гнев местных богов. Они вообще не обратят внима-

ния, у богов своя жизнь, это людям до всего есть дело.

Фарамунд шел следом за Тарантом, тот велел идти на пять шагов сзади. Да ближе и не стоит: отведенная ветка всегда норовит хлестнуть именно по глазам. Тарант то насвистывал, то напевал, веселье из него било ключом, только что не при-танцовывал.

Но когда деревья начали расступаться, за ними открылся простор, он остановился, пробурчал:

– Если нашему господину и стоило напасть, то надо хотя бы на недельку раньше!

По сторону деревьев начиналась и тянулась чуть ли не до горизонта ровная долина. Тысячи сторбленных людей выходили из широкой земляной ямы в две цепочки. У всех на спинах либо мешки с землей, либо хворост. Невысокий, но достаточно широкий холм окружал широкий ров, а сверху уже белела остроганными бревнами стена.

Что показалось Фарамунду непривычным, так это стена, что окружала бург сплошным кольцом. А сам бург, хорошо видный отсюда, с возвышения, просто бург, хотя зданий вдвое больше, чем у Свена. Вдобавок по всему периметру вырыт ров, а на образовавшемся валу сейчас ставили частокол. Для кольев использовали высокие ошкуренные бревна. Ветер донес запах свежей смолы.

– Это уже совсем не по-нашему, – пробурчал Тарант. – Либо он не франк вовсе... и не гепид или что-то нашенское, а вовсе чужак из дальних земель... либо страшный трус! Где

это видано – обносить бург еще и стеной?

За стеной бурга просматривались крыши, тоже белые, даже не просмоленные по торопливости. Две группы плотников спешно заканчивали навешивать тяжелые створки городских ворот.

– Они насыпали холм на ровном месте, – определил Тарант. – Я не был здесь, но... чую. К тому же землю вокруг выбрали, так что еще и дополнительный ров. Через пару дней поставят подъемный мост. Тогда уж точно с ходу не ворвешься!

– А стоит врываться? – спросил Фарамунд.

Тарант поскреб затылок:

– Говорят, Багровый сумел ограбить немало торговых караванов... Еще когда те здесь ходили. Так что есть чем заплатить даже этим земляным червям, что вон роют для него. Столько народу силой не нагонишь! Силенок даже у конунга не хватит... Здесь леса любую армию спрячут. С другой стороны, насчет богатой добычи каждый брешет. Сам Багровый брешет, да и остальные брешут. Так что не знаю.

– С другой стороны, – тихо сказал Фарамунд, – ведь Свену не богатство надо, верно? Если он захватит эту крепость, то народ будет искать у него защиты? И тогда все деньги снова к нему вернутся.

Тарант взглянул с уважением:

– А говоришь, мозги отшибло. Соображаешь!

Солнце сразу припекло плечи, он подумал вяло, что

несчастливым с мешками приходится еще хуже, но смолчал.

Они попятились, сделали круг, чтобы выйти на дорогу, а уже оттуда побрели к бургу. Удалось догнать повозку, в корзинах обеспокоенно квохтали куры, повизгивал связанный поросенок. Селянин дремал, кнут едва не выпадал из рук. Фарамунд хотел пристроиться на телеге, но Тарант дернул за рукав, шепнул:

– Не стоит.

– Почему?

– Начнет расспрашивать, то да се. Не люблю врать!

Так, держась вблизи, подошли к воротам. От бурга несло как запахом свежего леса, так и ароматами крепкого мужского и конского пота, а также странным ощущением силы и молодости.

На стенах изредка появлялись стражники, по двое держались на внешней стороне ворот, проверяли подводы.

Фарамунд прошептал:

– Держатся беспечно.

– Да...

– Давно не знали войн?

– Да нет, привыкли. Здесь что ни день, то кто-нибудь да пытается проверить их на прочность.

Стражники у распахнутых ворот даже не стали будить возчика, тот так и не проснулся, а приученный конь потащился во внутренний двор. Фарамунд и Тарант, горбясь под мешками, прошли мимо стражи, облегченно вздохнули, но

по ту сторону ворот напоролись на воинов постарше, с подзрительными глазами и суровыми лицами. Один сразу спросил грубо:

– Куда? Зачем? По какому делу?

Обращался только к Фарамунду, абсолютно игнорируя Таранта. Тот ощутил себя уязвленным, шагнул вперед:

– Мы привезли орехи на продажу! Отличные орехи.

– А что вам нужно в городе? – спросил страж, он по-прежнему смотрел только на Фарамунда. – Что намерены... после продажи орехов?

Тарант сказал удивленно:

– Да разве что на ноги что-нибудь! Ему сапоги, мне сапоги и хороший пояс.

Стражник спросил:

– А твой друг, он что, немой?

Фарамунд покачал головой:

– Нет, господин. Я говорить умею.

Стражник несколько мгновений всматривался в его лицо так пристально, словно ощупывал руками.

– Ну... я бы сказал, что ты умеешь не только говорить. Ладно, проходите. Но, на всякий случай... по городу сейчас ходит патруль. Чужакам сразу рубят головы, если те что затеют... понятно?

Тарант сказал угодливо:

– Да ни за что! Нам продать орехи, заглянуть в таверну, пока... жены, ха-ха!.. дома, а потом с сапогами и поясом вер-

нуться домой.

Оба чувствовали взгляды стражников еще долго, пока не повернули за угол. Тарант пробурчал раздраженно:

– И перестань идти так!

– Как?

– Ну, будто это твой город, а они у тебя на службе.

Фарамунд сдвинул плечи, постарался сгорбиться еще сильнее.

По возвращении Свен слушал нетерпеливо, постукивал пальцами по столу. Со двора доносилось конское ржание, раздраженные крики. Не дослушав, он метнулся к окну, высунулся, заорал так дико, что Тарант вздрогнул и отступил, а когда Свен повернулся, лицо хозяина бурга было настолько свирепым, что сам непонимающе уставился на Таранта и Фарамунда.

– Что?.. А, это нового жеребца купил... Дикий, черт!.. Так сколько, говоришь, там народу охраняет ворота?

Тарант переступил с ноги на ногу, Фарамунд помалкивал, хозяин его игнорировал, обращался только к Таранту.

– Сам бург они успели обнести забором, – сообщил он невесело. – При нас навешивали ворота. Завтра-послезавтра пустят воду в ров, речка рядом. А подъемный мост соорудят тоже на днях...

Свен прервал:

– Сколько там охраны, дурак?.. Мне надо знать, хватит ли

тех, кто сейчас в бурге, или же придется собирать из сел!

– Не хватит, – ответил Тарант. – У них охраны мало. Но пока будем выламывать городские ворота, проснутся в бурге. А со стен нас побьют. Прости, хозяин, но я считаю, что наших сил недостаточно.

Свен нахмурился, глаза вспыхнули гневом. Фарамунд ощутил на себе властный хозяйский взгляд.

– А что скажешь ты?

– Только то, что сказал Тарант, – ответил Фарамунд. – Опоздали.

Свен стукнул кулаком по столу. Кубки подпрыгнули, раскатились по столешнице. Один упал на пол, покатился, пугая собаку.

– Что значит, опоздали? – проревел он. – Там только что было пустое место!

Фарамунд стиснул челюсти. Гнев ударил в голову, а сердце могучими толчками погнало кровь. Если и был этот воин когда-то могучим и сильным, то сейчас обрюзг, как свинья. Больше времени проводит за столом, нажираясь, опять же, как свинья, чем бывает в оружейной!

– Он успел раньше, – ответил он сквозь стиснутые зубы. – Если вам не угодно верить, можете попытаться... Но мы все там положим головы совершенно зря.

Свен уперся обеими руками в стол. С лохматой нечесаной головой и неопрятной бородой он был похож на страшного лесного кабана.

– Это ты говоришь мне? – взревел он. – Мне, Свену из Моря? Мне ничего не стоит взять те сараи!.. Я только еще не решил, нужны ли они мне!

Фарамунд ответил:

– Решайте быстро.

– Что? – взревел Свен. – Почему?

– Багровый Лаурс укрепляется очень быстро. Завтра его бург еще уязвим, а через неделю его не взять, даже если собрать все окрестные села.

Свен сопел, дыхание вырывалось из его могучей груди, как будто там раздували дырявые кузнечные мехи.

– Вот что, – сказал он наконец. – Я сегодня же начну готовить людей. Отдыхайте ночь, а завтра с утра снова отправитесь в эту чертову крепость... На этот раз надо пройтись в самом бурге по зданиям! Посмотреть, сколько оружия. Мне самое главное знать: чем они собираются встретить: стрелками на башнях или копейщиками у ворот? Но вам все равно надо попортить хотя бы тетивы. И вообще все оружие, до которого доберетесь.

– Как? – спросил Тарант.

– Поджечь разве что, – буркнул Фарамунд.

Свен посмотрел внимательно:

– А ты соображаешь! Правда, он строит наспех, прямо из сырого дерева, потом все высохнет и развалится... но сейчас сушь, дни жаркие!.. Если плеснуть еще и смолы, то займется сразу, погасить не успеют. А если еще не убегать, а встречать

гасильщиков с оружием...

По лицу Таранта Фарамунд понял, что тот тоже догадался о намерении Свена принести их обоих в жертву.

– Постараемся, – ответил Тарант. – Ладно, мы пошли спать?

– Только не напивайтесь, – предостерег Свен. – Если все получится, как я задумал, вам двоим – выбирать из добычи все, что пожелаете!

Тарант покосился на Фарамунда, тот опустил глаза. Когда они оказались за дверью, Тарант тихо шепнул:

– Что об этом думаешь?

Фарамунд буркнул:

– Я о другом думаю. Кто я, откуда я? Может быть, меня дома ждут жена и трое детей? Может быть, у меня есть братья и сестры? Может быть, где-то я любим, а не такая вот подобранная на дороге собака?

Утром, когда явились к Свену за последними словами, у того в комнате сидел у самой двери Теддик. Фарамунд встречал его раньше, но Теддик был почти единственный во всем бургe, кого он почти не запомнил: весь серый, как мышь, не выделяется ни ростом, ни силой, ни даже громким смехом, всегда при Свене, всегда посматривает по сторонам настороженно, но редко когда уронит слово. Правда, однажды он предложил Фарамунду попробовать себя с ним в поединке на тупых мечах, но все, что Фарамунд запомнил, это были

быстрые скользящие движения, немалая ловкость, но и то скорее за счет малого роста, чем за счет выучки.

– С вами пойдет Теддик, – объявил Свен. – Он заметит больше, чем вы, олухи. Задача у вас все та же! Я хочу взять ту крепость. Вы должны разузнать все слабые места. Если что удастся испортить или поджечь – сделайте сразу.

– Как?

– Что, уже и огниво пропил? А пару кувшинов с маслом возьмете в моей комнате. Стражам на воротах, если спросят, скажете, что на продажу.

Тарант переступил с ноги на ногу:

– Но в бург так просто не проникнуть.

Свен сказал раздраженно:

– Багровый Лаурс размахнулся больше, чем на бург! Там мастерские, две кузницы, оружейная... Еще какие-то склады... Говорят, он переселил к себе ремесленников.

– Пленных?

– Как пленных, так и... кого заставил, кого сманил деньгами. Я не знаю, откуда у него деньги, но я должен знать, как подрезать ему крылья!

Уже знакомой тропкой пробрались через лес, залегли в кустах. За ночь люди Лаурса ворота поставили и укрепили, сейчас спешно возводили башни по обе стороны ворот. Судя по основанию, наверху сможет поместиться до десятка лучников. А если еще и сложить туда груды булыжников, то посмевающие подойти с тараном тут же полягут с проломленными

ми головами...

– Лаурс что-то чувствует, – сказал Теддик. – Узнал, что на эти земли надвигаются с севера вовсе настоящие звери?

– Либо предчувствует резню, – буркнул Тарант.

– Я и говорю...

– Нет, резня может начаться за окрестные деревни. Здесь уже земли поделены...

– Не все!

– Остались крохи, – сказал Тарант презрительно.

– Ничего подобного, – возразил Теддик. – Сейчас самые злые идут вперед и вперед, захватывая земли галлов, осаждая римские гарнизоны... если решаются, а задним хватает и здесь добычи. А когда тех, передних, остановят, только тогда начнется настоящая резня за земли, за села!

Лицо его стало довольным, глаза заблестели. Фарамунд переводил взгляд с равнодушного Таранта на хитрую рожу этого хозяйского прихвостня. Похоже, Теддик прав.

Он вздрогнул, когда Теддик неожиданно толкнул его в бок:

– А что скажешь ты, молчун?

Фарамунд нехотя разлепил губы.

– Если.

– Что? – не понял Теддик.

– Если остановят, говорю.

Теддик подумал, сдвинул плечами:

– Рим всегда останавливал. И отшвыривал назад! Но во-

обще-то в чем-то ты прав, молчун. А вдруг в этот раз не остановит? Что тогда?

Тарант поежился:

– Мир рухнет. Небо упадет на землю. Как это – Рим не остановит? А что тогда?.. Мы сами растеряемся, если Рим вдруг бы упал нам под сапоги. Нет, пограбить – одно, а вот власти над миром – не надо!

Их голоса звучали в него в ушах, но все тело слушало лес, землю, воздух, он всей кожей впитывал запахи, а струи воздуха касались кожи. В какой-то момент шерсть на загривке зашевелилась, в животе неприятно похолодело.

Не поворачиваясь, прошептал:

– Тихо. За нами кто-то наблюдает.

– Да ты что? – удивился Тарант.

Он приподнялся на колени, неспешно начал озираться с глупым видом. Из-за деревьев выскочило трое с мечами в руках и в одинаковых кожаных доспехах. Следом выехало четверо на конях.

– Не двигаться! – крикнул передний всадник. – Высматривали вашу крепость?.. Рыбарь, Хлум, свяжите их!

Теддик только поднимался с ног, лицо растерянное, а Тарант вскинул руки, попятился, вот-вот запнется и рухнет:

– Да что вы! Да мы только пришли к вам орехи продать!

Трое, спрятав мечи, взяли в руки веревки. Лица у всех были спокойные. Фарамунд догадался, что всадник обвинил их в подглядывании, чтобы напугать, на самом же деле им

просто нужны рабочие руки на стройку.

Кровь ударила в голову. Веревка! Совсем недавно точно такая же была на его шее. Понятно, их отведут в бург для расспросов. Ну, а вдруг передумают и решат повесить на этих же деревьях?

Он почувствовал, как все тело вскипает злой силой. Как воочию увидел картину, когда он голыми руками убивает людей с веревками в руках. Нет, больше он не позволит надеть себе на шею петлю!

Воин потряс веревкой:

– Протяни руки!

Фарамунд зло оскалил зубы:

– Лучше протяни ноги.

Он ударил кулаком в ухмыляющееся лицо, пальцы другой руки молниеносно сомкнулись на рукояти меча. Второй набросил петлю на руки Теддику, меч Фарамунда с мясным стуком разрубил толстую шею, Теддик поспешно сбрасывал веревку, а Фарамунд уклонился от удара третьего, отскочил к кустам.

Всадники с мечами в руках уже окружили их, сверкающие клинки заблестали в воздухе. Тарант упал, перекатился под брюхо ближайшей лошади. Фарамунд ждал, что он подрежет сухожилия или вспорет коню брюхо, но Тарант пробежал на четвереньках, прыгнул в кусты и пропал.

Теддик отбивался от двух всадников, отрывивал, пригибался. Фарамунд ударил одного всадника по ноге, тот едва

не выронил меч. Фарамунд отскочил в сторону, избегая удара второго, его рука как будто сама по себе вскинула меч, его слегка трянуло, на землю упала отрубленная рука с зажатым в кулаке мечом.

В следующее мгновение Фарамунд уже сам был в седле. Конь беспокойно дергался, недавний хозяин корчился под копытами и хватался уцелевшей рукой, а Фарамунд остервенело рубился среди визга, крика, потных лошадиных тел. Бежать глупо – догонят и убьют в незащищенную спину. Страх ушел, сменившись холодной яростью. Его тело снова как бы вспомнило все умение из неведомой прошлой жизни: меч образовал вокруг него сверкающую завесу, клинки стучали часто и страшно. Дважды боль кольнула руку и плечо, но третий всадник завалился на холку коня, кровь из рассеченного горла залила конскую гриву.

Внезапно звон железа затих. Фарамунд огляделся дико. На истоптанной копытами и сапогами поляне ползали двое раненых. Еще один лежал на спине и смотрел на Фарамунда полными ненависти глазами. Четыре неподвижных тела, похоже – мертвые. Теддик сидит, прислонившись спиной к пню. В глазах – боль, кровь на обеих вытянутых ногах.

Фарамунд крикнул:

– Как ты?

– Ноги задели, – ответил Теддик. – А ты чего не унесся, когда в седло... сумел?

Фарамунд спрыгнул на землю. Конь тут же отпрянул от

человека с красными руками. Затрещали кусты. Теддик попытался встать, охнул, снова сел. Фарамунд присвистнул. Раны не тяжелые, жилы, судя по глубине порезов, не задеты, заживет как на собаке, будет ходить и бегать. Но это потом, а вот сейчас...

Торопясь, он сорвал с одного из павших латы, разорвал рубаху. Теддик, не морщась, наблюдал, как этот странный человек быстро и умело перетянул ему обе ноги выше колена. Все это время Фарамунд чувствовал на себе изучающий, странно напряженный взгляд Теддика.

– Здорово ты бьешься, – проговорил он. – И раны перевязываешь, как если бы...

– Как если бы лекарь? – спросил Фарамунд. – Знаешь, мне самому это нравится. Может быть, я был лекарем?

Теддик хохотнул:

– Из тех, кто жизнь отнимает... Ой!

– Больно?

– Да нет, это я сам... Помоги подняться.

Фарамунд поддержал, Теддик скривился, попробовал прыгать на одной ноге, но та кровоточила. Он охнул, повалился наземь.

– Как это тебя? – спросил Фарамунд сердито. – Сам не выше пня, а они ж на конях! Им до головы твоей нагибаться – с коня можно упасть!

– Это пеший. Я его сбил с ног, тут насел всадник, я дрался с ним, а пеший меня сзади по ногам... Я его удавил, да раны

уже вот они...

Фарамунд рывком поднял за ворот:

– Надо убираться. Залезай на спину, я понесу через лес.

– Может... на конях?

Фарамунд с жалостью оглянулся на оседланных коней.

Хоть и разбежались, но поймать можно, он чувствует, что первым удалось бы приблизиться вот к этому гнедому красавцу, а уже с седла поймать бы любого...

– Сам знаешь, – ответил он со вздохом, – пришлось бы через поле, а там поймают, как кур в тесном сарае.

Теддик нехотя залез на подставленную спину. Фарамунд ощутил, что хотя Теддик на голову ниже, но по весу не уступит упитанной корове. Он потащил в чашу, выбирая дорогу между корягами, зависшими деревьями, где не пройдет ни одна лошадь, пробежал по упавшему стволу, под ногами трещало, гнилые куски обламывались, но он успевал, успевал, словно бежал по тонкому льду.

Глава 6

С опущенной головой он проломился через кусты. Дыхание вырывалось хриплое, надсадное. Услыхал над ухом вскрик Теддика, не сразу понял, а когда вскинул голову, всего в пяти-шести полетах стрелы в его сторону бежало четверо. Фарамунд сразу увидел на поясах короткие мечи, а в руках у них были веревки.

– Не уйти, – простонал Теддик. – Брось меня... Беги сам!

– Молчи.

– Дурак, – прохрипел Теддик прямо в ухо. – Дурак... Брось! Один ты уйдешь... может быть...

Фарамунд развернулся, ноги сами понесли в гущу леса, уже не выбирая дороги. Ветки хлестали по голове, плечам. Он проламывался, как тур, через кусты, с натугой перепрыгивал толстые стволы деревьев. Теддик ругался, пробовал сползти со спины, но Фарамунд цепко держал за ноги. Теддик прокричал:

– Это облава!.. Не на нас вовсе!.. Лаурс ловит тех, кто не явился строить ему крепость!.. Они даже в лесу ищут...

Фарамунд чувствовал, что их догоняют. Здешний лес местные знают лучше, к тому же никто из них не несет ничего тяжелее меча.

Теддик вдруг крикнул в ухо:

– Все!.. Мы оба трупы. Беги, ты еще можешь спастись!

Фарамунд почувствовал, как Теддик резко отпихнулся, заваливаясь назад. Чтобы не упасть с ним самому, он невольно разжал руки. Теддик тяжело грохнулся на землю, Фарамунд едва успел оглянуться, как кусты затрещали.

На поляну выскочили четверо преследователей. Фарамунд хрипел, пот заливал глаза. Деревья качались из стороны в сторону. Каждый ствол раздваивался, а от двойников отделялись еще по два вовсе призрачных ствола.

Четверо были настолько уверены, что сразу свалят измученного бегом человека, с залитыми потом глазами, что сразу бросились с веревками в руках. Фарамунд выхватил меч. Он знал, что его единственное спасение в скорости. Его меч прорезал воздух, послышался стук, снова блеск железа, стук и вскрик, их осталось двое, но уже не с веревками – с мечами в руках. Теперь уже ему пришлось уклоняться от их мечей, но один слишком низко опускал голову, а второй старался нанести удар сверху вниз, совершенно не думая о защите...

Теддик выпученными глазами смотрел, как всех четверых разбросало под деревья, а Фарамунд, мокрый и с всклокоченными волосами, задыхаясь от усилий, оперся на меч, живой и почти невредимый. Из плеча сочится кровь, но это всего лишь порез, видно.

– Ты... – выдавил Теддик, – ты... Даже сам Свен не смог бы так...

Фарамунд, хрипло дыша, молча взвалил его на спину. Со стороны крепости уже слышался лай собак, Фарамунд тяже-

ло побежал. Теддик держался за плечи, стараясь не давить за горло, Фарамунд слышал над ухом его надсадное дыхание, но собственное дыхание стало сухим и горячим, обжигало горло.

– Не туда, – прохрипел Теддик. – Тарант помчался явно к ручью... Бери вниз... вон в ту сторону...

Фарамунд послушно свернул. Он сам смутно чувствовал, что в той стороне может быть спасение, а когда в лицо пахнуло свежестью, понял, что это дает о себе знать ручей или даже речушка, а значит, можно пробежать по воде вверх или вниз по течению.

Он сбежал с пологого берега, вода разлетелась хрустальными брызгами. В сотне метров внизу по течению речушка делала крутой изгиб, там приплясывала блестящая, как тюлень, мокрая фигурка. Человек делал отчаянные знаки руками, Теддик пробубнил в ухо с некоторым удивлением:

– Тарант все же дождался...

Фарамунд бежал по мелководью, со страхом видя сквозь прозрачную воду, как мучительно медленно речные струи замыкают отпечатки подошв Таранта на песчаном дне.

Тот показал им на свисающие над водой толстые корни, сразу же ухватился, исчез на миг, потом оттуда протянулись руки. Фарамунд подал Теддика, а когда сам ухватился за корни, пальцы разжимались от слабости. Тарант помог взобраться, Фарамунд переполз по стволу на берег, там все трое

рухнули в кусты и лежали, хрипло дыша и вслушиваясь в приближающийся лай.

Сквозь листву было видно, как вдоль берега пробежали трое. Собаки на длинных поводках, иначе бы уже догнали... За ними еще пятеро, конных нет, через такую чащу не продраться.

У Фарамунда сердце стиснулось, когда один с собаками замедлил шаг, всмотрелся в их сторону. Фарамунд почти чувствовал, как он измеряет взглядом расстояние до корней, осматривает берег. Двое других поторопили, задние тоже указывали вперед, и вся группа унеслась дальше, скрылась из виду.

Тарант сказал с нервным смешком:

– Там селение... Они решили, что мы там попробуем укрыться. Или получить помощь.

Теддик со стоном перевернулся на спину. Фарамунд быстро разорвал рубаху, перетянул ему ногу, чтобы сберечь остатки крови. Осмотрел, утешил:

– Жилы не затронуты! А мясо зарастет быстро. Через пару недель будешь бегать, как и раньше.

Тарант хохотнул:

– Скажи: за бабами бегать! Он враз вылечится.

Теддик лежал на спине бледный, понурый. Глаза его не оставляли лица Фарамунда. Наконец он спросил напряженным голосом:

– Зачем ты меня тащил?

– Как зачем? – удивился Фарамунд.

– Зачем? – повторил Теддик. – Мы не друзья. Ты мне никогда не нравился! Что-то в тебе есть... не наше. И ты знал, что я тебя не люблю. И петлю тебе я одевал на шею с удовольствием! Дурак... Тебя сейчас только чудом не схватили.

Фарамунд отмахнулся:

– Забудь. Ты ведь точно так же тащил бы меня, не так ли?

Теддик смолчал. Тарант снова засмеялся:

– Он?.. Шутишь?

– Не сомневаюсь, – ответил Фарамунд.

Теддик снова молчал. Тарант толкнул его в бок:

– Ну, что молчишь? Скажи ему.

Теддик мрачнел на глазах. Наконец глаза блеснули, он с трудом выпрямился, уперся спиной в дерево. Лицо стало твердым, на скулах вздулись рифленные желваки.

– Да, я отвечу, – сказал он. – Но только не то, что ты ждешь, Тарант. Все верно, я всегда был доверенным человеком Свена. Я прошел с ним немало, я знаю о нем то, что никто из новых не знает. Он мне доверял... как и я ему. А в этот раз он мне поручил... убить тебя, Фарамунд.

Тарант дернулся, едва не упал на спину. Фарамунд проглотил слова, что уже вертелись на языке, смотрел в лицо Теддика. Тарант наконец сказал ошарашенно:

– Я знал, что Свен ненавидит Фарамунда... но чтобы так вот...

– Я же дал ему клятву, – напомнил Фарамунд.

– Это не страх, – ответил Теддик. – Он не побоялся бы с тобой сойтись в поединке... Но он чувствует, что ты чем-то выше. То ли потому, что держал меч у его горла, то ли еще что-то чует... Но он велел, когда мы все закончим, убить тебя на обратном пути. Нож между лопаток, все тихо.

Фарамунд кивнул на Таранта:

– А он?

– Что он... Ты все-таки для нас еще чужак. Тарант поморщится, зачем, мол, нехорошо! Но завтра о тебе уже не вспомнит. А остальным скажем, что ты погиб.

Слышно было, как вода журчит между корнями, плещет в крутой берег. Фарамунд наконец спросил прямо:

– Зачем ты мне сказал?

– Чтобы ты знал. Тебе нельзя возвращаться к Свену. Не я, так кто-то другой...

Фарамунд кивнул, глаза не отрывались от хмурого Теддика:

– Теперь я знаю.

Тарант тоже привстал на локте, настороженно всматривался в Теддика. Тот сказал с кривой усмешкой:

– Я всегда выполнял приказы Свена. Мы связаны не только клятвой, но и... дружбой. Я – единственный, кто остался с тех времен, когда он был еще простым... гм... И сейчас мне уже поздно меняться. Я всегда дорожил воинской честью! Еще ни разу не уронил...

В тишине Тарант угрюмо подтвердил:

– Ни разу.

– И не должен ронять, – добавил Теддик.

– Не должен, – как эхо отозвался Тарант.

Фарамунд молчал, смотрел то на одного, то на другого. Теддик скривился, завел раненую руку за спину. Послышался скрип покидающего ножны римского меча. В руке Теддика он напоминал широкий нож.

Теддик улыбнулся им обоим бледно, глаза Фарамунда расширились, он еще не понимал, а Теддик приложил острие к левой стороне груди.

– Пока я жив, – сказал он, – я должен выполнять его приказы. Но только пока жив!

Мышцы на обеих руках напряглись. Фарамунд сделал движение перехватить, но плоть треснула, рукоять быстро пошла к груди. Полоса железа быстро укоротилась. Ладонь Фарамунда упала на рукоять меча, когда та уже коснулась груди Теддика.

Глаза Теддика победно сияли. С губ сорвался хриплый смех:

– Не успел! Я всегда был быстрее тебя.

– Да, – прошептал Фарамунд. Теддик все еще держался за рукоять. Фарамунд отдернул пальцы. Лезвие, пробив сердце, не дает крови хлестать, как из пробитого мечом винного бурдюка. – Ты быстр... и... я не могу найти слово!

– Я... – сказал Теддик. На губах показалась кровь, в горле забулькало. Он закашлялся, красные брызги полетели ве-

ером. Он с усилием повторил: – Я...

Новый приступ кашля свалил лицом вниз, он перекатился на бок, дернулся и затих. Ноги медленно выпрямились. Тарант перевернул его на спину. Невидящие глаза Теддика уставились в небо. На забрызганных кровью губах застыла жуткая улыбка. Оглянувшись на Фарамунда, Тарант деловито закрыл глаза соратнику, отодрал еще теплые пальцы Теддика от рукояти.

Фарамунд хмуро смотрел, как Тарант с усилием вытащил меч, аккуратно вытер лезвие об одежду погибшего, отцепил ножны:

– У него меч получше моего... Надо еще сапоги снять. У тебя нога побольше, а мне в самый раз.

Отвернувшись, Фарамунд слышал, как Тарант сопел, пыхтел, стаскивал с мертвого сапоги. Потом, судя по звукам, обшаривал одежду в поисках монеты или чего-нибудь ценного.

Наконец за спиной раздалось:

– Пошли, что ли?

Ноги Теддика уже торчали навстречу солнцу голые, с непомерно отросшими ногтями на длинных худых пальцах. Мешок за спиной Таранта заметно увеличился в объеме.

– Не зароем?

– Некогда, – отмахнулся Тарант. – Да и какая ему теперь разница?

Когда уходили от берега, в кустах мелькнула серая шерсть, а с верхушки дерева раздалось радостное «Кар-р-р!».

Спускаясь по лощинке, вышли к лесной тропке. Чувствовался звериный запах, но на деревьях белели свежие зарубки.

Тарант сказал с неловкостью:

– Ты куда теперь?

– Не знаю, – ответил Фарамунд. – Не знаю. Уйду куда-нибудь.

Но перед глазами было прекрасное лицо Лютеции. А на шее он ощутил веревку, что привязывает его к этой местности крепче любых цепей.

– Ладно, – вздохнул Тарант. – Прощай.

– Прощай и ты.

Он молча смотрел, как удаляется спина Таранта. Крикнул:

– Эй, крепость Свена в другой стороне!

Тарант оглянулся, бледный и с осунувшимся лицом, в глазах страх:

– Я знаю. Но Свен убьет, если я не выполню его приказа. Да я и сам знаю, что это надо... Мало ли что случилось в дороге!

Он помахал рукой, повернулся и пропал за поворотом тропки. Фарамунд тупо смотрел на колышущиеся ветки. Затем ноги сами сдвинулись с места, он пошел все быстрее.

Тарант вздрогнул, оглянулся, переменившись в лице:

– Как ты меня напугал!.. Ты чего?

– Тебя в прошлый раз едва не схватили, – напомнил Фа-

рамунд.

– Не схватили же...

– В этот раз схватят. У тебя вон глаза бегают, всего трясет.

Тарант ответил хмуро:

– Еще бы не трясло! Но все равно я должен приказ выполнить. На этом мир стоит.

– На чем?

– На выполнениях, – ответил Тарант туманно. – Я же обещал? Обещал. Теперь надо идти.

– Вернись, – предложил Фарамунд, – скажи то же самое, что мы видели в прошлый раз. Мол, больше не увидел. Свен не узнает, что ты даже не был там.

Тарант печально согласился:

– Свен не узнает. А я?

– Что ты? – спросил Фарамунд, хотя понимал, о чем говорил Тарант.

– Я ведь знаю. И буду знать.

Он улыбнулся печально, эта улыбка показалась Фарамунду оскалом смертника. Тарант трусил, он знал, что идет навстречу смерти, но все-таки шел. И когда снова кивнул, прощаясь уже навсегда, Фарамунд догнал, пошел рядом.

Тарант покосился удивленно:

– Ты чего?

– Да так, – ответил Фарамунд со злостью. – Знаю, что дурак, но иду. Ты дурак, я дурак...

Крепость Багрового Лаурса выглядела еще ярче, а за ночь словно бы подросла. Вокруг чернели пятна костров, кое-где еще дымились головешки. Стройка не останавливалась и на ночь, Похоже, Багровый Лаурс в самом деле отчаянно торопился укрепиться, а отоспаться можно и потом, за крепкими стенами.

По единственной дороге в распахнутые ворота тянулись телеги с бревнами и уже распиленными досками. Гнали скот, везли мешки с зерном и мукой, на телегах горой вздымались туши забитых оленей, туров, лесных коз.

Через врата оба прошли под бдительными взглядами стражей. К счастью, Тарант настоял, чтобы Свен выделил им новые сапоги, и сейчас, когда на воротах оказался тот же страж, он сперва с недоверием всмотрелся в их лица, но когда взгляд упал на новенькие сапоги, так контрастирующие с потрепанной одеждой, страж оскалился в понимающей улыбке:

– А, орешники... Вижу, хорошо поторговали.

Тарант суетливо поклонился:

– Спасибо, господин!.. Теперь вся деревня моим сапогам завидует! А свои старые я теперь здесь продам.

Страж посмотрел на переброшенные через плечо сапоги, оглядел оценивающе мешки:

– Ого, опять орехи? Что у вас за орешник, что можно собирать по два урожая?

Тарант замер с раскрытым ртом, Фарамунд сказал вино-

вато:

— Да это мы... гм... у соседей взяли. Они такие, у них все погниет, а толку не будет. А так им тоже что-то купим... по мелочи.

Страж захохотал, они прошли в город. Тарант оглянулся, голос упал до шепота:

— А я уже решил, что заглянет в мешок!

— Да ему надо?

— Тебе ничего, а у меня кувшин с маслом выперло краем! Фарамунд смолчал.

Бург был настолько просторен, что у Фарамунда разбежались глаза. Через внутренний двор катят огромные бочки, у просторного сарая выгружают телеги, а еще две открытые повозки, доверху нагруженные оленьими тушами, стоят у дверей подвалов. Снизу выскакивают дюжие мужики, стаскивают оленей с таким проворством, словно битую птицу, исчезают во тьме.

Справа деловито стучит молоточек, за ним послушно бухают тяжелые молоты. Фарамунд ощутил запах горящего железа, древесного угля, а ветерок донес вкусный аромат свежего хлеба. Мимо простучала копытами удивительно грациозная лошадь, на Фарамунда взглянули ее коричневые глаза, не по-лошажьи умные. Тащил ее за повод заспанный парнишка, толстый и настолько грязный, что у Фарамунда зачесались руки выхватить повод, вскочить в седло и...

Он вздохнул, опустил голову и постарался сгорбиться. Та-

рант шаркал ногами, лицо делал глупое. Возле оружейника остановились, раскрыли рты. Притворяться не пришлось: таких мечей, что стоят в углу, как простые палки, нет даже у Свена.

Трое подмастерьев накручивали на стержень проволоку, чтобы получилась длинная спираль, еще один разрубывал по одной стороне. Разомкнутые кольца ссыпали в деревянное ведро, мальчишка бегом, перекосившись в другую сторону, тащил через двор напротив. Там тоже гремели молотки. Фарамунд понял, что именно там кольца собирают в кольчуги, хозяин здешней крепости готовится к серьезной войне.

Фарамунд спросил Таранта шепотом:

– Сколько здесь человек на воротах?

Лицо Таранта тоже было потрясенное, а челюсть отвисла.

– Не меньше двадцати. А то и тридцать.

– Они там и живут в башенках?

– Нет, в схолах.

– В схолах?

– Ну, многие так называют бараки для воинов. Это по-римски.

К ним присматривались настороженно и злобно. Любому человек несет опасность, Тарант старался все время улыбаться, всем кланялся. Двое мужчин загородили дорогу:

– Чем торгуешь, чужак?

– Принесли орехи, масло, – затараторил Тарант, – Благодарному Лаурсу должно понравится!

– Будет вами Лаурс заниматься, – буркнул один.

Второй шагнул мимо, потеряв интерес к деревенщине, первый поспешил за ним.

Тихохонько прошли к другой лавке, Тарант показал на здание с соломенной крышей, плотно примыкающее к главному дому.

– Стражи спят здесь. Но ворота охраняют круглосуточно. Головорезы, каких свет не видывал.

Фарамунд затаил дыхание. Дверь в дом чуть приоткрыта, в щель даже виден пустой холл. Он оглянулся по сторонам, народу полно, но все заняты своими делами, никто, вроде бы, не смотрит...

Он выбрал удобный момент, быстро приоткрыл, юркнул вовнутрь, а когда протянул руку, чтобы закрыть, попал пальцами в раскрытый рот Таранта.

Тот прошептал разъяренно:

– Ты что? Могли заметить! Тогда нас тут разорвут на части...

– Здесь, охраны, надеюсь, нет?

– Зря надеешься. Здесь не спивающийся Свен!..

Сверху слышались шаги. Они юркнули под лестницу. Над головой заскрипели ступеньки. Кто-то спускался спокойно, небрежно. Слышался легкий металлический звон, привычный для носящих кольчугу или латы.

Тарант шепнул одними губами прямо в ухо Фарамунду:

– Это один из близких к Лаурсу.

– Тогда пусть идет...

Человек спустился в холл, Фарамунд ожидал, что тот пойдет на улицу, однако тот зачем-то повернул налево, сделал пару шагов и тут краем глаза заметил под лестницей две скорчившиеся фигуры. Он ахнул, одна рука торопливо метнулась к рукояти меча, глаза выпучились, а грудь начала подниматься, захватывая воздух для мощного вопля.

Фарамунд выметнулся, как прыгающий на добычу волк. Человек рухнул на спину. Фарамунд двумя ударами оглушил, с подоспевшим Тарантом затащили под лестницу. Фарамунд быстро огляделся по сторонам: куча досок, бочки, старые колеса с присохшей грязью... быстро завалил тело всем, что попало под руку.

– А когда очнется? – прошептал Тарант.

– Уже не очнется, – ответил Фарамунд угрюмо. – Но нам надо спешить.

– Еще бы...

Фарамунд быстро обогнул лестницу, сверху донесся мужской голос, удалился, затих. За спиной шумно дышал Тарант. Глаза были испуганные, нервно облизывал губы. Ступеньки привели на второй этаж. С одной стороны длинного коридора были узкие бойницы окон, с другой – массивные добротные двери, четыре в ряд. В стенах через равные промежутки вбиты пустые держак для факелов.

Тарант оглядел пустой коридор, голос упал до свистящего шепота:

– Теперь куда?

– Знать бы... давай начнем с первой.

Дверь подалась без скрипа. Они очутились в просторной комнате, мебели мало, везде пусто, но пахнет той же сосновой смолой, словно и здесь все вытесали только что. На другой стене Фарамунд заметил еще дверь, на цыпочках перебежал, потянул за ручку.

Снова без скрипа, а там, у окна стоял к ним спиной широкий детина, рассматривал кого-то во дворе. Голова не пролезала в узкое окно, он прижался лбом, даже привстал на цыпочки.

Тарант жестом показал Фарамунду, что он справится, Фарамунд кивнул. Тарант подошел неслышно, похлопал по плечу. Человек вздрогнул начал поворачиваться. Фарамунд успел увидеть выражение сильнейшего недоумения.

Рука Таранта метнулась вперед. Человек покачнулся, захрипел разбитой гортанью. Тарант ударил еще раз, ухватил и бросил на пол, в руке блеснул нож. Фарамунд не стал смотреть, как он перережет горло, Пробежался по комнате, заглядывая в сундуки, шкафы, бочки.

– Нет, не то...

Тарант вытер нож, глаза блестели.

– Ну, как я его?

– Умеешь, – похвалил Фарамунд.

– Еще бы! Да я их столько... да я их...

Фарамунд вернулся в предыдущую комнату, выглянул в

коридор. Все еще пусто, быстро перебежал к другой двери, рывком распахнул, влетел, меч в руке, следом ворвался Тарант.

В комнате за столом сидели два человека. На столе расстеленный пергамент, края придавлены камнями размером с кулак. Один человек сидел спиной к двери, но вскочил первым, едва заметил изумление в глазах второго, который сидел лицом к вбежавшему Фарамунду. Меч Фарамунда ударил его наискось, рассек череп от уха и до нижней челюсти.

Второй попятился, выдернул меч. Тарант обогнул стол, а Фарамунд прыгнул прямо через стол, на лету всадил меч в горло. На миг позже лезвие меча Таранта вонзилось под левое ребро.

– Оба!

– Здесь, – велел Фарамунд с облегчением. – Давай скорее.

Вдоль стены темнели пузатые кувшины с маслом. Их было около трех десятков, и Фарамунд сразу представил, как потекут горящие струи вниз, как вспыхнет дерево, как люди начнут метаться в дыму и огне, уже не пытаясь погасить, а только бы успеть унести свои вещи...

Тарант торопливо высекал огонь. В коридоре за дверью слышались шаги. Кто-то за дверью чихнул, выругался, сказал сиплым простуженным голосом:

– Гельгард, ты там?

На миг Фарамунд и Тарант застыли, не зная, что делать, наконец Фарамунд ответил угрюмо:

– Да.

– Тебе пора. Пойдем.

– Еще не закончил, – ответил Фарамунд.

– Что не закончил? – в голосе спрашивающего было недоумение.

Дверь приоткрылась, человек шагнул через порог. Одна рука терла слезящиеся глаза, словно только что чистил лук, другая тянула за собой дверь. Тарант ударил, человек отшатнулся, стукнулся головой о дверь. Фарамунд схватил со стола камень, швырнул. Послышался сухой треск. Человек охнул, камень наполовину погрузился в проломленный лоб.

– И не пикнул, – сказал Тарант с облегчением.

Снизу раздался крик. Его подхватили голоса, донеслось металлическое звяканье.

– Другие пикнули.

– Нас же не слышно! – вскрикнул Тарант с отчаянием.

– Нашли труп под лестницей, – сказал Фарамунд зло.

Сердце колотилось, он часто дышал. Руки сами переворачивали кувшины, наконец он просто пробежался вдоль ряда, бил мечом, темное масло вытекало толстыми жирными волнами, устремлялось ко всем щелям, неспешно продавливалось на этажи ниже.

Тарант торопливо щелкал кресалом. Искры летели снопом, но в масле тонули как в темной поверхности болота, а в разлохмаченном труте лишь слабо поблескивали, тут же гасли. В коридоре слышался топот бегущих людей.

Фарамунд встал у двери, крикнул:

– Беги в ту комнатку! Там окно шире. Пролезешь...

Тарант тут же перестал колотить огнивом, спросил торопливо:

– А как же ты?

– Видно будет, – ответил Фарамунд.

Он чувствовал, что как-то повысил свой статус, теперь распоряжается он, а опытный Тарант слушается беспрекословно. Дверь распахнулась, через порог полезли оружие, перекошенные, с мечами и топорами. Фарамунд быстро ударил крест-накрест, крикнул: – Беги! Они все сейчас будут ломиться через эту дверь!

Тарант выскочил, как заяц. Фарамунд рубил быстро и сильно, он готовился отступать, его вот-вот оттеснят, вторую линию обороны займет в узких дверях внутренней комнаты, а пока держался здесь...

Люди падали под его ударами, как спелые груши с дерева. Разъярившись, он сам шагнул навстречу. От его страшного облика шарахнулись, он видел ужас в их глазах, заревел страшным голосом, бросился с поднятым мечом. Они отступили, он сам напал, двое упали с раскроенными головами. Остальные повернулись и... бежали.

Он закричал весело и страшно. Даже не он, в нем закричало нечто веселое и страшное, ликующее при виде разрубленных тел, брызг крови на стенах, от вкуса соленой крови врага на губах, а тело распирала дикая мощь.

Преследуя убегающих, он пронесся по каким-то мелким комнатушкам, чуланам. Кто-то исчез по дороге, кого-то догнал и зарубил, над последним трупом остановился, двумя ударами отрубил голову, дал пинка, так что покатилась через всю комнату, вертясь и разбрызгивая тонкие алые струйки.

Ступеньки под ногами узкие, скрипучие. Хотя все блещет только что выструганным деревом, воздух пропитан запахом древесной смолы. Строили торопливо, не дожидаясь, когда доски высохнут, из-за чего все скрипит, прогибается, а укоротившиеся ступеньки вот-вот под его весом выскользнут из пазов.

Он спускался, держа меч наготове. Изредка кто-нибудь выскакивал, орал, завидя его, затем всех уносило как ветром. Только дважды навстречу бросились с топорами, но он перешагнул через их трупы, даже не успев рассмотреть лица.

Кровь гулко стучала в виски. В ушах шумело, а по всему телу перекачивалась гремящая мощь. Сразив тех с топорами, он двумя ударами обрушил перила лестницы, а потом еще и с маху, просто от избытка силы, ударил по стене, оставив глубокую зарубку.

Снизу раздавались крики. Во дворе заржали кони, звенело железо. Он свирепо улыбнулся, чувствуя себя неуязвимым, несокрушимым. Сердце бухало, как молот, грудь раздувалась.

Впереди вырастала дверь. Он набежал на нее, ударил плечом, влетел с грохотом. В комнате были люди с мечами и

топорами. Он упал, перевернулся через голову. Еще не вставая, ударом меча подсек ноги двух ближайших, а когда вскочил, его меч заблистал, как молния, в полумраке широкого помещения.

На него бросались тупо, как огромные быки на маленького человека, но он сам не маленький, в руках меч, и они падают, падают, стены трясутся от ударов падающих тел, воплей, стонов, горячая кровь брызгает, как вода...

Сзади на спину обрушился тяжелый удар. Он шатнулся, обернулся, уже замахиваясь мечом, когда второй удар обрушился на голову. Он успел, выронив меч, ухватить кого-то за горло. Под пальцами хрустнуло, будто раздавил крупное гусиное яйцо, затем его ударило об пол.

В голове шум мельничных жерновов стал оглушающим. Смутно чувствовал, как победители, сопя и хакая, с наслаждением били ногами в тяжелых сапогах.

Глава 7

Голоса он начал различать почти сразу, но они плавали, как комья тумана, он не скоро начал вычленять смысл, угадывать. В голове все еще стоял грохот, он уже стихал с каждым мгновением, зато мучительно ныло все тело. При каждом вздохе остро кололо в боку.

Он попробовал открыть глаза, но даже поднять веки оказалось неимоверно тяжело. Пол поскрипывает, но, похоже, ходят по ту сторону тонкой дощатой стены. Сильно пахнет смолой.

В груди холодно и мертво. Избитое тело ныло, он боялся даже подумать о том, чтобы пошевелиться. Впервые его подвело тело... или не тело, а его растущая уверенность, что все будет удаваться, что все получается почти само собой.

И вот сейчас он схвачен, избит и... связан. Да, руки стянуты толстым ремнем, ноги тоже...

Под опущенными веками появился слабый свет. Он увидел, как из тумана выступило бесконечно милое прекрасное лицо. Тонкие брови взлетели, а глаза взглянули с укором: как, ты решил умереть?

Нет, прошептал он, не двигая губами. Нет, Лютеция. Я не умру, я выживу... И не только выживу! Как бы ни казалось тебе надежно и защищенно у Свена, но только я по-настоящему готов тебя защищать...

Распухший язык осторожно прошелся по деснам. Во рту солоно, а губы стали толстыми, как колоды. С огромным усилием он раскрыл глаза.

Да, он лежит на полу, туго связанный. Стены из толстых неструганых досок, везде чувствуется спешка, окно без решетки, но узкое, даже голова не пролезет, хотя в высоту почти в половину роста взрослого человека. Голоса все еще раздаются из-за стены.

Между неплотно пригнанными досками мелькнуло, он попытался вычленить что-то знакомое, но человек прошел слишком быстро, зато в комнатку потянуло сильным запахом старого эля. Сцепив зубы, чтобы не выдать себя стоном, он начал проверять мышцы по всему телу, напрягая их по очереди. Ремни впились еще туже, никакой силач не порвет...

По ту сторону голоса стали громче, звякнуло железо. Понеслись тяжелые шаги уверенного в себе человека.

Дверь распахнулась, в проеме возник огромный грузный человек с падающими на грудь усами. Подбородок оставался выбрит до синевы, Фарамунд оценил его размеры – больше похож на каменную глыбу. Чем-то он напомнил Свена, та же несокрушимая мощь, но этот помоложе, сильнее и... живучее. Если и пьет, то не спивается.

Человек смотрел на пленника сверху, и Фарамунду казалось, что ноги гораздо толще и длиннее, чем они на самом деле, а голова чуть ли не под потолком.

– Ну, – сказал он гулко, – ты, сволочь, оказался крепок!

Столько народу перебил... Но посмотрим теперь, такая ли у тебя шея крепкая, как руки?

Он подошел ближе, пнул его в бок. Боль хлестнула по всему телу. Фарамунд понял, что концы сломанных ребер уперлись в поврежденные внутренности.

Видно, он изменился в лице – человек злобно захохотал: – Что, не нравится?.. Ты, червяк, попал к Лаурсу, которого не зря прозвали Багровым. Так что это только начало. Эй, позвать сюда палача!

За спиной Фарамунда затопали. Заскрипело дерево, снова топот, все это время Лаурс со злым наслаждением рассматривал Фарамунда. Дважды пнул, стараясь угодить в голову. Фарамунд в последний момент отдергивал или поворачивался, чтобы удары только скользили, не разбивая кости. Но все равно голова загудела, из ссадин потекла кровь.

За спиной хозяина появился еще один, в полтора раза шире, огромный, с толстыми, как бревна, руками. Голова, размером с пивной котел, медленно повернулась в сторону связанного пленника, маленькие глазки пробежали по нему с головы до ног.

– Звали, хозяин?

Голос его был тяжелым, грохочущим, словно огромная неторопливая туча приближалась к бургу.

Лаурс с силой ударил Фарамунда ногой:

– Громыхало! Разделяй его так, чтобы орал, не переставая. Когда сломишь, кликни! А потом мы снимем с него... жи-

вого, ха-ха!.. шкуру и набьем чучело. Моим лучникам надо на чем-то упражняться.

Громыхало спросил тем же гулким грохочущим голосом:
– А что... вы не останетесь?

В голосе палача звучало удивление. Фарамунд понял, что хозяин любит наблюдать за пытками. А то и сам берет в руки клещи.

– Сперва разберусь там, – ответил Лаурс зло. – Слишком много убитых... Почему, кто прозевал? Ты заставь говорить этого, а я – тех лодырей, что как-то пропустили этих сволочей. Наверное, и выпустили...

– Он был не один?

Лаурс вместо ответа лишь ударил пленника под ребра, но теперь Фарамунд лежал другим боком. Удар отозвался болезненно, однако Фарамунд заставил себя не повести и бровью. Он понял, чего хочет хозяин бурга, значит – надо растянуть пытку как можно дольше.

– Стойкий, – усмехнулся Лаурс недобро. – Ничего, Громыхало и не таких ломал!.. Как только начнет орать, тут же кликни!

– Слушаюсь, хозяин, – ответил палач, которого тот назвал Громыхало. – С виду он крепкий, но до вечера вряд ли дотерпит.

Когда шаги хозяина затихли, Фарамунд сказал негромко:

– Да ты и сам крепкий... Был воином? А то и десятником?

– Довелось, – ответил Громыхало довольно. – У тебя на-

метан глаз... Ты сам тоже... того. Говорят, ты дрался, чтобы дать сбежать своему дружку? Мог бы и сам, но задерживал?

– Да, – ответил он. – Настоящий вожак должен заботиться о своих людях, верно?

Громыхало положил на раскаленные угли щипцы, острые штыри. Широкое лицо было деловитым, задумчивым.

– Это верно. Но так мало кто делает.

– Как видишь, я делаю.

– Ну, ты... Вот и попался.

Он гулко хохотнул, довольный своим умозаключением. Толстые щеки затряслись. Фарамунд сказал, стараясь придать голосу как можно больше убедительности:

– Да, но мои люди ушли. И сейчас делят добычу. А мы взяли немало золота! И камешков. На них можно хоть такую крепость построить, хоть еще больше.

Громыхало кивнул в задумчивости.

– Да, это ты... гм... за таким, понятно, люди идут. Сейчас мало кому можно доверять.

Он рывком поднял Фарамунда, крикнул, вскинул его на широкий стол. В глазах палача Фарамунд уловил некоторое одобрение. То ли его немалого веса, то ли вздутых мышц воина.

Освободив правую ногу, он умело привязал ее на угол стола, левую – на другой. И только убедившись, что пленник привязан крепко, поочередно развязывал и закреплял руки.

Фарамунд оказался распятым, он скосил глаза на жаров-

ню. Железные прутья накалялись на глазах. Кончики стали темно-вишневого цвета, медленно, но неотступно превращались в алые. А темно-вишневый поднимался выше.

Громыхало надел кожаный передник, широкий, от которого пахло засохшей кровью, так же неспешно натянул толстые кожаные рукавицы. Фарамунд заставил себя дышать ровнее. Сердце колотилось, как схваченный воробей.

– Ты мог бы уйти со мной, – проговорил он как можно небрежнее. – У меня вдоволь припрятано золота. Ты уже знаешь, что я держу слово.

Широкое лицо палача расплылось еще шире, он тихонько ржанул, как огромный сытый жеребец:

– Уйти?... Да отсюда комар не вылетит!

– Но мои люди вылетели, – напомнил Фарамунд.

– Их спины прикрывал ты! – возразил Громыхало.

– Но сейчас нас будет двое...

Громыхало вместо ответа ухватил прут. Раскаленный конец стал почти оранжевым, а из толстой рукавицы пошел пар. Громыхало приблизился к пленнику, сказал благожелательно:

– Лучше начинай орать, вот тебе добрый совет. Все равно кончится одним. Тебя убьют. Ну, разве что шкуру сдерут для потехи. Так чего терпеть зря?

Раскаленный конец приблизился к груди. Жар опалил кожу. Фарамунд скосил глаза на алую головку прута. Там вспыхивали искорки, словно внутри железа бродили такие же

призрачные существа, что появляются в пурпурных углях костра. Жар приблизился, Громыхало внезапно ткнул прут в тело, Фарамунд успел задержать дыхание, стиснул челюсти. Боль хлестнула в мозг, едва не разорвала череп. В воздухе запахло горелым мясом.

Громыхало с интересом всматривался в лицо пленника:

– Ну, как?

– Терпимо, – ответил Фарамунд сквозь зубы. Он чувствовал, что второй раз может не выдержать такого прикосновения. Запах горелого мяса, его собственной плоти, вызывал тошноту и подленький страх. – Этим меня кричать не заставишь. Можешь сразу пробовать что-то другое.

– Попробую, – согласился Громыхало. – Вон у меня сколько всего! Тут и щипцы, и крючья, и пилы, и спицы... Все перепробую.

– Дурак, – сказал Фарамунд внятно.

– Почему? – спросил Громыхало мирно. Похоже, он всегда разговаривал с теми, кого пытал. – Разве я дурак, а не ты? Кто из нас лежит на пыточном столе?.. Ты лучше давай рассказывай, какой ты добрый и что тебя нельзя... ха-ха... обижать! Расскажи, что тебя послал сам конунг и что за тобой явится целая армия!.. Или начинай обращать меня в веру этого... Христа!.. Были и такие.

– И что же?

Громыхало заботливо перевернул щипцы на углях, а прут снова сунул в алую россыпь, лопаткой сгреб угли, присыпав

сверху.

– А то же, – буркнул он гулко. – Все одно и то же!.. В какого бы бога ни верил, а в петле все одинаковые. Или на колу. Мой хозяин страсть как любит на кол сажать. Или же бросает живьем в яму собакам... У нас здесь знаешь какие собаки? Так что это ты дурак, дружище.

– Я предлагал, – выдохнул Фарамунд страстно, – тебе достойную жизнь! Кем ты стал здесь? Ты уже не видишь вольного леса, не слышишь шум ветвей! А горячий конь под седлом?.. А золото, которое швыряешь в таверне, а хозяин спешит навстречу – угодливый, как раб?.. Ты можешь жить богато и вольно, а ты... что будет завтра? Кем умрешь? Дряхлым беззубым старцем, которому начнут сниться все те, кого замучил?

Громыхало с щипцами подошел вплотную, глаза высматривали место, где вырвать клочок мяса. Лицо помрачнело, Фарамунд ощутил, что, возможно, он первым из пленников угодил в больное место.

– Да и нужен ли будет старик здешнему хозяину? – спросил он безжалостно. – Как только из твоих пальцев начнет выskalзываться рукоять топора, он тебя вышвырнет умирать за порог. А подыхать медленно в грязи от холода и голода... это совсем не то, что на скаку, на стене чужой крепости, захлебнувшись вином, или даже вот так – на столе палача!

Щипцы опустились на грудь Фарамунда. Громыхало сопел, брови сдвигались, наконец обратил взор на лицо плен-

ника:

— Ты в самом деле не брешешь, насчет припрятанного золота?

— Что припрятанное, — ответил Фарамунд уклончиво. — У нас золота будет намного больше!

Громыхало раздвинул щипцы, зловещие зубья сомкнулись на клочке мяса в боку, но рукояти пока не сводил, все еще двигал бровями, складками на лбу.

— Ты не сможешь идти, — буркнул он наконец. — А я не смогу тебя вынести.

— Ты только ослабь мне ремни, — сказал Фарамунд быстро. — А то руки и ноги затекли. Еще немного, и они уже станут ногами мертвеца.

Громыхало кивнул, но с места не двигался. Затаив дыхание, Фарамунд следил, как палач то поглядывает на него оценивающе, то начинает прислушиваться к крикам и конскому ржанию во дворе.

Наконец огромная фигура качнулась, клещи звякнули о пыточный стол. Ремни он ослабил чуть-чуть, дабы, если хозяин вернется, ничего не заметил, но Фарамунд тут же начал напрягать мышцы рук и ног, усиленно гоня кровь, пробуждая застывшие мускулы, жилы, заставляя готовиться к новым схваткам.

Лаурс не утерпел, пришел к вечеру. Фарамунд лежал на столе распятый, весь залитый кровью. На полу растекалась

красная лужа, тут же стояло ведро с колодезной водой.

– Ну что? – спросил Лаурс.

– Осталось чуть, – сообщил Громыхало. Громадная фигура палача словно бы усохла, сам он выглядел бледным, изнуренным, глаза бегали по сторонам. – Уже стонет!.. Еще чуть... и начнет вопить, как недорезанный поросенок!

Лаурс оглядел Фарамунда с головы до ног:

– Ладно. Я буду в оружейной. Сразу же пошли за мной мальчишку, понял?

– Сделаю, хозяин!

Лаурс ушел, а Громыхало опасливо прислушался к шагам, сказал тихо:

– Да, вид у тебя...

– Бывало и хуже, – ответил Фарамунд хрипло, хотя не думал, что такое с ним бывало. Такое достаточно пережить раз в жизни. – Пора...

Громыхало осторожно освободил ему руки. Ремень на ногах Фарамунд перерезал сам. Лицо его было страшным в застывшей корочке собственной крови. Час назад он сам указал Громыхало, где надрезать кожу так, чтобы выступившая кровь создавала облик как можно более жуткий. Такие же надрезы были и по телу. Громыхало еще удивлялся, откуда он знает, где и как надо надрезать, не был ли сам раньше палачом?

Они ушли достаточно легко. Самое трудное было снова двигаться, не привлекая внимания. Громыхало зазвал в пы-

точную одного из проходивших по двору воинов, сам оглушил, раздел, а из пыточной вышли, пользуясь вечерней полутьмой и пряча лица от факелов.

К лесу шли в темноте, Фарамунд факел взять не разрешил. Громыхало удивлялся, как его нынешний вожак чувствует в полной темноте тропку, ведь даже звезд не видать, однако Фарамунд вел, руководствуясь странным, почти звериным чутьем.

Темные деревья раздвинулись, Громыхало рычал, ругался, наконец взмолился:

– Мне сучьями всю рожу раскровянило! Как еще глаза целы?..

– Тогда соснем до рассвета, – донесся из темноты мертвый голос. Громыхало ощутил, насколько бывший пленник измучен. – Утром... все... решим...

Послышалось падение тяжелого тела, хруст ветвей кустарника. Громыхало на ощупь опустился на траву. На листьях уже скапливалась холодная гадкая роса. Одежда быстро отсыревала, по телу пробежала дрожь. На миг ощутил себя дураком, что ушел с этим... В бургe сидел бы перед горящим очагом, грел бы уже не молодые кости.

И только сверкающий сундук с золотом позволил заснуть с неуверенной улыбкой.

Дрожь сотрясала все тело так, что стучали кости. Мокрая одежда прилипла, снизу гадостно воняло. Оказывается, но-

чью опустился в россыпь гниющих грибов, теперь все тело зудело, щипало и чесалось, а ядовитая слизь, казалось, проникла во внутренности.

– Ну, – выговорил он с трудом, – где... твое... запрятанное... золото?

Тусклый рассвет уже окрасил верхушки деревьев в цвет старого серебра. Небо оставалось серым, затянутым плотным слоем туч. В ветвях перекликались птицы. Фарамунд лежал под стволом могучего дуба, под ним прогибался толстый слой веток. Лицо его вспухло и покрылось кровоподтеками, один глаз едва проглядывал сквозь вздутые веки.

– Золото? – переспросил он.

Одним прыжком оказался на ногах, напряг и распустил мышцы. Громыхало раскрыл глаза шире. Еще вечером этот разбойник выглядел как умирающий, а сейчас будто заново родился, сильный и злой, как дикий кот.

– Да, золото, – повторил он. – Которое у тебя где-то закопано.

Фарамунд развел руками:

– Да нет у меня никакого золота. Погоди, погоди!.. Не скидывайся. Да, я тебя обманул. Но обманул... по мелочи. Это не обман, а... военная хитрость. Понял? Военные тайны нельзя доверять даже своим.

Дрожь тряхнула Громыхало сильнее. Внутренности свело, он ощутил боль в печени. В глазах вспыхнули белые искры.

– Ты... все соврал?

– Да, но...

Огромное тяжелое тело ринулось, как будто сквозь кусты на полном скаку метнулся громадный тур. Фарамунд не успел отстраниться, могучие пальцы ухватили его за горло. Они грохнулись, дыхание вылетели из груди Фарамунда со стоном: в спину больно ударил корень дерева.

Он хрипел, задыхался, в глазах потемнело, а в ушах слышался нарастающий шум. Не помня себя, он бил руками, куда-то тыкал сведенными судорогой пальцами. Когда уже совсем начал задыхаться, хватка на горле ослабела.

Руки удалось оторвать не сразу, но потом двумя свирепыми ударами сбил палача на землю, навалился сверху.

Из разбитого рта Гроыхало текла струйка крови. Он попытался схватить его снова, Фарамунд снова ударил, сильно и жестоко. Руки палача бессильно упали вдоль тела на землю.

Фарамунд слез, прислонился спиной к дереву. Огромное тело палача лежало рядом, кровь медленно вытекала из рта. Потом глаза медленно открылись, налитые кровью глазные яблоки повернулись, зрачки сузились, отыскивали врага.

– Не спеши, – выдохнул Фарамунд хрипло. – Я мог бы тебя сейчас убить... Но я тебе говорю... Послушай меня!

Гроыхало закрыл глаза. Лицо медленно старело, на глазах появлялись морщины, резче выступили широкие, как у гунна, скулы.

– Убей, – прошептал он. – Ты победил... Теперь убей!

– Не я победил, – ответил Фарамунд. – Мы оба победили! Лицо Громыхало было серым, как пепел на пожарище.

– Никакого золота... нет. А там у меня были хотя бы кров и постель, кусок хлеба...

Фарамунд сказал убеждающе:

– Пойми, я тебя не обманываю. В главном. Разве я не мог тебя зарезать даже ночью, пока ты спал? Нет, теперь ты мне друг. У меня и у тебя есть золото! Но лежит пока что в чужих карманах. Я не разбойник, я служил Свену из Моря. Но я не клялся ему служить, поклялся лишь не поднимать на него оружия, которое он мне вручил! Так что мы – свободные люди. Я не стану возвращаться к Свену. Мы с тобой сами отряд! И если повезет, то построим себе крепость, а власть наша будет не на три деревушки, как у Свена!

Громыхало долго лежал, затем вздрогнул, вскинул руку, непонимающе посмотрел на рукав, по которому ползла липкая смердящая слизь. Выругался, отсел на толстый корень дерева.

– Дрянь...

– Это ненадолго, – сказал Фарамунд, хотя не знал, относится это к слизи или к нему. – У нас будут и золото, и свой бург!

Громыхало вскинул лицо к небу. Сквозь тучи проглянуло слабое, как больной ребенок, солнце. Луч света упал на лицо палача. Он зажмурился, помолчал, а когда заговорил, Фарамунд вздрогнул от неожиданности.

– А в самом деле... Там в крепости я перестал на небо смотреть! Все глаза в землю, дабы не прогневать властелина... А ведь я – Громыхало, при виде которого враги трепетали, а кони пугались и сбрасывали седоков!.. Надо умереть с мечом в руке, а не с клистирной трубкой в заднице.

Он захохотал, а Фарамунд смотрел с изумлением. Палач выпрямился, откинулся назад, спина коснулась дерева. Грудь его оказалась еще шире, чем Фарамунду казалась в комнате пыток, а когда расправил плечи, Фарамунд подумал, что этому гиганту в двери крестьянских хат придется заходить боком.

– Я рад, – сказал Фарамунд с чувством. – Ты не поверишь, как я рад!

– Да ладно, – буркнул Громыхало. – Я тоже рад... что дал тебе в морду как следует!

Он неожиданно захохотал. Фарамунд потрогал разбитую скулу, где немилосердно саднило:

– Да, кулаки у тебя... железо мог бы ковать без молота!

– Кулаки у меня хорошие, – согласился Громыхало. – Но я все-таки предпочитаю боевой молот!

– Будет молот, – сказал Фарамунд твердо. – И золото будет!

Громыхало хмыкнул, не очень-то верил, но Фарамунд знал, что добудет. Ведь у Свена Лютеция на правах нищенки. Благородная прекрасная Лютеция, которая должна жить в самых прекрасных дворцах мира!

А для нее он добудет. И золото. И надежные стены.

Через неделю его отряд насчитывал десяток оборванцев, голодных и злых на весь свет, готовых на все. К концу второй недели они наткнулись еще на такую же шайку разбойников. Ни один не захотел уступить, а после схватки пятеро из уцелевших противников влились в его отряд. Чужих раненых дорезали, а своих Фарамунд к удивлению многих, но не Громыхало, велел оставить в ближайшем селе, дал одежды и денег, строго приказал местным лечить, не обижать, иначе, когда вернется...

Дважды нападали на обозы, а когда из городка за ними отправились в погоню два десятка хорошо вооруженных конников, ушли через лес только им ведомыми тропами, спустились к реке. Громыхало радостно заорал, ниже по течению виднелось с полдюжины коров, пара коз, а на покатом берегу чернели крыши наспех вырытых землянок.

Фарамунд кивнул:

– Да, нам мясо не помешает!

С радостными воплями понеслись со всех ног. Налетели с ходу, так торопились, что сдуру порубили даже коров вместе с переселенцами. Двое мужчин отбивались отчаянно, с ними трое подростков, что тоже с горящими ненавистью глазами бросались на разбойников с вилами и косами. Двоих поразили серьезно, за что подростков тут же, остервенев, порубили на куски.

Из землянок вытащили двух женщин. Одна тут же, изловчившись, выхватила у разбойника нож и вонзила себе под левое ребро, а вторая с такой яростью вцепилась в горло другому, что пришлось убить, да и то не сразу отодрали скрюченные пальцы от горла.

Забитых коров спешно разделывали, мясо бросали в мешки и привязывали к седлам. Козьи тушки забрали целиком. Когда уже собирались уходить, вдруг кто-то увидел, как в дальних кустах шевельнулась ветка. Не струсив, бросился туда с обнаженным мечом, а оттуда с истошным визгом выметнулись две каким-то чудом уцелевшие и спрятавшиеся девки.

Тут уж заорали все, кинулись ловить. Девки бежали к близкому лесу, вопили во весь голос, звали на помощь. За ними неслись почти все, разве что Громыхало и Фарамунд не сдвинулись с места. Наконец догнали, подхватили на плечи, принесли, быстро раздели. Дабы не кусались, каждой в зубы по деревяшке, растянули, привязав руки и ноги к вбитым к землю колышкам, долго тешились, сменяя друг друга.

Потом обеих, совсем одуревших, заставили плясать голыми вокруг костра на месте выгоревшей землянки. Сами плясали, орали, пили и силой поили девок. Под ногами трескали глиняные черепки, свежие обглоданные кости, а под забором бесстыдно белели старые, похожие на человеческие...

Тарант вернулся благополучно, рассказал, как доблестно

Фарамунд прикрывал его отход, как даже заорал, привлекая внимания, чтобы он выскользнул незамеченным. Старые воины кивали одобрительно, этот подобранный в лесу вел себя как подобает настоящему воину, и хотя пал, но зато сейчас он в небесной дружине...

Однако вскоре стали приходить слухи о новой шайке разбойников. Она росла быстро, набег совершала дерзкие, от погони уходили из-под самого носа. По приметам вожак был очень похож на пропавшего Фарамунда, а потом пришли вести из бурга Лаурса, что пленник не только сбежал от грозного властелина, но и увел с собой его лучшего воина, Громыхало.

Воины посмеивались, переглядывались. Вскоре пошли слухи о награбленных сокровищах, захваченных обозах, даже караванах. И хотя все понимали, какие сокровища в этой бедной стране, где ни древних городов, ни старых захоронений, все же слухи шли и ширились, подогревая воображение.

Лютетия с волнением прислушивалась к слухам. В крепость приезжали земледельцы, привозили муку, зерно, скот на продажу, рассказывали об увиденном. Тревор привел одного, что побывал в деревне выше по реке.

– Какие новости? – спросила Лютетия. – Что слышно о новых разбойниках?

Крестьянин потупился:

– Да ничего...

– Такого быть не может, – настаивала она. – О них все

говорят.

– Да так... Они сейчас в деревне, что за рекой...

– Ну и что?

– Да ничего...

Она пристально смотрела в его несчастное лицо. Простолюдин крепок, но больно угнетен, а так лицо открытое, глаза честные. Стоит, бессильно опустив длинные руки, ладони широкие, как весла, все в желтых мозолях.

– Боишься, – определила она. – Ну, а если я возьму тебя на службу? Но мы готовимся к отъезду. Как только дорога чуть очистится, мы покинем бург доблестного Свена из Моря. Ты поедешь с нами?

Несчастный рухнул перед ней на колени:

– Госпожа!.. Возьми! Если примешь, верой и правдой... крови не пожалею.

– Хорошо, – ответила она. – А пока будешь помогать нашей челяди. Клотильда тебе покажет, что надо делать. А теперь можешь говорить правду?

Земледелец сказал с жаром:

– Да!.. Я знал, что, когда вернусь, меня убьют... Просто потому, что не утерплю и схвачу топор или что попадет под руку! Стон и плач стоит по всей деревне, а им все в потеху. Девочек всех перетаскали к себе, замужних жен хватают и бесчестят прямо на улице... Весь скот зарезали! Гусей, уток – все рубят и бьют просто ради потехи. Если кто вступится, тут же либо рубят, либо издеваются для веселья: зубы выла-

мывают по одному, в... простите, в зад острогу с ее зубцами вгоняют, а потом такого отпускают на волю!..

Она слушала, побледнев. То, что рассказал мужик, дело обычное, но ей почему-то казалось, что Фарамунд не из таких людей. Несмотря на его фигуру воина, ей еще в первую же встречу почудилось, что он... другой. Как римский патриций, о которых она столько слышала. Нет, он не унижится до такого.

– Ладно, – сказала она. – Иди!

Голос ее стал строже. Простолюдин поклонился, попятился и ушел. Она слышала, как он благодарил Одина за милость к нему. Бедный заблудший язычник!

Глава 8

Оружие, одежду и все снаряжение Фарамунд добывал мечом. Сопротивление подавлял сразу, свирепо: в его сторону нельзя было бросить даже косой взгляд, стервенел, карал без пощады. Однако запас золота и драгоценностей рос чересчур медленно. Он слышал злые разговоры, что вожак все гребет себе, надо бы по-честному, все головами рискуют одинаково...

Рисковали, конечно, не одинаково. Он первым начинал бой, если требовался бой, а последним заканчивал. Он все так же стервенел от запаха крови, а ярость схватки охватывала так, что готов был грызть зубами щит, все мышцы тряслись от жажды поскорее броситься в сечу и пролить наконец-то чужую кровь, разбивать головы, отрубать руки, слышать страшные крики боли и ужаса...

Однако теперь все планировал тщательно. Помнил, что стыдно поддался чувству безнаказанности, за что так страшно поплатился в бурге Лаурса. Он был отважен, как дикий барс, но и осторожен, как лис, отслеживающий добычу на глазах гончих псов. Пьянствовать разрешал только после удачных набегов, да и то не раньше, чем забирался в глубины леса, а на всех направлениях выставлял охрану.

В глубине леса у них были шалаши, даже удалось привести через завалы трех коней. Стражу он выдвигал далеко.

Если бы вдруг конунг решил очистить земли от разбойников, то он на месте стоянки отыскал бы только давно остывшую золу.

Сегодня день оказался слишком пасмурный, с утра накрапывал дождь. Фарамунд исчез, он часто проверял посты неожиданно, остальные коротали время у костра, бурчали друг на друга, играли в кости, ссорились, только Громыхало сидел в сторонке и деловито насаживал на длинную рукоять огромный молот.

Только к полудню за деревьями послышался стук копыт. Показался всадник. Комья земли за его конем взлетали огромные, как вороны, но не черные, а из-за зеленой сочной травы тоже темно-зеленые, влажные. А когда тяжело шлепались оземь, похожие не то на рогатых жаб, не то на зеленых ежей, становилось понятно, какого размера подковы богатырского коня.

А на богатырском коне всадник обычно под стать. Фарамунд и сам чувствовал, что он сильнее, умелее любого из его шайки. Даже чудилось, что был не конюхом или стрелком из лука, а именно вот таким вожаком разбойничьего отряда.

К нему никто не подошел принять коня, он соскочил на землю, шлепком по крупу отпустил пастись. У костра на него смотрели хмуро и настороженно.

– Вижу, – сказал он резко. – Все вижу! Да, я не делю захваченное, я присваиваю все золото себе. Разве я когда-то обещал все делить и раздавать? Кто такое слышал от меня?..

Кто?..

Вехульд, хмурый и бесстрашный разбойник, выкрикнул зло:

– Так делается везде!

Фарамунд зло расхохотался:

– Где?.. И почему я должен поступать так, как делается? Я позвал вас с собой, обещая добычу. Вы получили ее гораздо больше, чем имели в ваших мечтах! Но теперь ваши аппетиты разгорелись!.. Не-е-е-т, если кому не нравится, убивайтесь к черту. Мне не нужен сброд, который поступает по-своему.

Вехульд, глядя ему в глаза, опустил ладонь на рукоять меча. Еще пятеро или шестеро его сторонников взяли за топоры. Вехульд на всякий случай бросил быстрый взгляд по сторонам: Громыхало уже исчез, как и трое-четверо особо верных людей Фарамунда – где-то на постах, а остальные колеблются, вмешиваться не будут.

– А нам не нужен такой вождь, – сказал он громко, – который утаивает нашу общую добычу! Мы не против, чтобы твоя доля была хоть втрое больше нашей! Но всяк имеет долю. И всякий должен получать ее сразу.

Фарамунд вскинул ладонь, заговорил громко, чтобы слышали все:

– Вы берете все, когда захватываем обоз, село или перехватываем другой отряд. Но золото уходит в казну, которой распоряжаюсь только я. Сейчас я говорю, что время тратить

еще не пришло. Кто-то считает иначе? Что ж, переубедите меня...

Он отступил на пару шагов. Его руки поднялись к плечам, откуда торчали рукояти двух мечей. Только у него мечи настолько длинные, что начал носить за плечами, удивляя всех, у кого мечи немногим длиннее поясных ножей. Все в отряде знали, с каким нечеловеческим искусством их вожак владеет этими мечами, но сейчас Вехульд только сказал громко:

– Если ты не отдашь нам нашу долю, тебя не спасут даже пять мечей. На этот раз ты что-то не рассчитал...

В голосе Фарамунда прозвучали первые нотки бешенства:

– Что ж, тварь!.. Давай! Если добежишь до меня живым, я даже не подниму на тебя меча – руби!

В мертвой тишине Вехульд медленно повел головой по сторонам. Глаза были непонимающими. С ним шестеро отважных сорвиголов, остальные отхлынули, словно морские волны при отливе. Они стоят посреди поляны, семеро с оружием в руках против одного-единственного человека... так в чем же дело?

Вдруг в тишине ясно послышался скрип сгибаемого дерева. Со всех деревьев, окружающих поляну, в их сторону смотрели нацеленные стрелы. Люди сидели молча, не шевелились, почти неотличимые от листвы. Этих стрелков, судя по всему, было не меньше десятка.

– Так вот ты куда послал Громыхало, – произнес Вехульд мертво. – Что ж, ты опять все рассчитал наперед!.. Теперь я

уже сомневаюсь, что и разговор о дележе затеял я, а не ты... Что ж, стреляй!

— Громыхало я не туда послал, — ответил Фарамунд, глядя ему в глаза. — Убрать оружие! Ну, я кому сказал?

Вехульд нехотя вложил меч в ножны. Остальные опустили головы, пятились, старались встать за спинами друг друга.

Из-за дальних кустов, что за спиной Фарамунда, раздался гулкий голос Громыхало:

— Фарамунд!... Давай перебьем их. Зато нам больше останется.

Вехульд и его сторонники переглядывались, жались в кучу. Пространство вокруг них стало еще шире. Фарамунд снова вскинул руку, голос звучал почти дружелюбно:

— Они не враги. А Вехульд сказал только то, что думали все, но только боялись сказать. У него хватило отваги сказать это мне в глаза. Я не хочу терять сильного и отважного человека!

Вехульд вскинул голову. Их глаза встретились только на миг, но Фарамунд ощутил во взгляде Вехульда горячую благодарность. Не за жизнь, а за оценку. И увидел, что приобрел надежного соратника, которому можно доверить спину. Остальные тоже поднимали головы, начинали поглядывать по сторонам, чуть ободренные, но еще не уверенные, не окажется ли это жестокой шуткой, после которой казнят с особой жестокостью.

Ломая кусты, вышел Громыхало. Он был в полных доспе-

хах, в правой руке нес страшный молот, которым умело действовал, в левой – круглый деревянный щит, обшитый воловьей кожей. За ними поднялись и проломилась следом еще с десяток крепких парней, вооруженных длинными копьями.

Вехульд снова взглянул на Фарамунда. Во взгляде бунтаря Фарамунд прочел восхищение. Если бы кто и добежал до Фарамунда, то его успели бы встретить копьями эти, верные до конца.

– Все к костру, – велел Фарамунд. Он перевел дыхание, старался делать вид, что ничего не случилось. – Посидим, обсудим один план. Никаких пьянок!.. Убрать вино. Сегодня нам нужны особенно трезвые головы.

Громыхало весело рывкнул:

– Тогда половину надо выгнать! А то и всех.

– Ну, – сказал Фарамунд, – это смотря что считать трезвыми головами. Самые трезвые дома сидят.

С деревьев слезали лучники, только несколько человек все же с неохотой отправились на дальние посты. Фарамунд присел, протянул руки к костру. Глаза уставились в пляшущие багровые языки.

– Это свободные земли, – говорил он размеренно. – Все зависит от того, кто сколько может удержать. Мы сейчас ничего удержать не можем. Тот лес, в котором находимся, наш... пока сюда не придет отряд покрупнее. Мой прежний хозяин Свен... Свен из Моря, нагребил достаточно, чтобы осесть и выстроить для себя целую крепость. Сейчас он

укрепляется, оттуда делает вылазки... Я тоже намеревался накопить золота достаточно, чтобы можно было тоже...

Кто-то не выдержал, спросил:

– А сколько надо набрать?

На него шикнули. Фарамунд повысил голос:

– ...но этот путь, мне кажется, плох. Чем? Да тем, что придется терпеть и собирать сокровища по крупице долгие годы. Как делал это Свен. Как делали другие. Как делали сотни отважных вожаков, из которых только немногие... ну, дожили! Плох еще тем, что за это время состав отрядов сменяется много раз. Понятно почему...

Он оглядел разом помрачневшие лица. Жизнь человека с оружием вообще недолгая. А жизнь разбойника, который против всего белого света, даже против других разбойных шаяк, короче жизни бабочки...

– Мы не будем строить крепость, – сказал Фарамунд внезапно. – Мы захватим ее! И вы все станете господами!

Клотильда поднималась с корзиной фруктов, когда широкая ладонь внезапно легла на губы. Рука появилась из-за спины, она не видела человека, но когда ее прижало к твердому, как дерево, телу, она в страхе догадалась, в чьи руки попала.

Голос шепнул прямо в ухо:

– Тихо! Я не причиню тебе вреда. Поняла?

Клотильда судорожно кивнула. Ладонь чуточку соскользнула с губ, Клотильда тут же набрала воздух для произно-

тельного вопля, однако твердые, как камень, пальцы с силой ткнули в живот. Она поперхнулась, ладонь снова закрыла рот, а голос разъяренно прошипел:

– Еще раз только пикни!.. Убью не только тебя, но и все здесь огнем пушу. Запомнила?

Клотильда попробовала ответить, но пальцы зажимали рот с такой силой, что губы едва не лопались, как спелые вишни. Затылком упиралась как будто в стену, а ее тонкие руки зажало как в столярные тиски.

– Запомнила? – повторил голос угрожающе.

Она сделала движение кивнуть. Пальцы сползли вниз, на миг коснулись ее бедра, но тут же послышался знакомый шорох, с каким железный клинок покидает кожаные ножны. Холодное лезвие коснулось ее левого бока.

– Я все сделаю, – прошептала она слабым голосом. – Все, что скажешь...

– Пойдем к твоей хозяйке, – сказал голос. – На этот раз, помни... этот меч остер, как бритва. Он прорежет тебя насквозь, как лист чертополоха.

Она сделала пару неуверенных шагов. Ноги дрожали и подгибались. Дверь, как водится, должна быть заперта, но оказалась открытой. В бургe Свена все чересчур беспечно, мелькнуло в ее голове, вон страшный разбойник почти свободно разгуливает и хватает честных девушек!

Открылась комната, в глубине за прялкой сидела Лютеция. Как простая девушка из ее деревни, мерно нажи-

мала правой ножкой на педаль, пальцы ловко перебирали шерсть, свивая в толстую нить. Золотые волосы распущены, взгляд синих глаз задумчив. Она что-то напевала негромко, но прялка жужжанием пригибала слова к полу, размазывала, слышно было только тихий нежный голос.

Клотильда шагнула через порог, инстинктивно стараясь прикрыть за собой дверь, но рука грубо толкнула ее между лопаток. Служанка влетела в комнатку. Дверь сзади хлопнула, сильный голос сказал торопливо:

– Не пугайтесь! Кричать не стоит, я пришел только поговорить.

Фарамунд стоял у двери, не делая шага. Короткий меч снова в ножнах, руки развел в стороны, ладони пустые. Лютеция выпрямилась, не вставая, на бледных щеках проступил румянец. В синих глазах блеснул гнев.

– Почему ты пришел?

– Объяснить, – сказал Фарамунд торопливо. – Госпожа, я хочу служить тебе, а не этому толстому кабану. Он все равно приговорил меня к смерти... но не смерти я страшусь, а твоей немилости!

Клотильда охнула, госпожа разговаривает с разбойником чересчур бесстрашно, а он, напротив, говорит так, словно и не выходил из-под ее руки.

– Ты ушел от своего господина, – сказала Лютеция холодно, – ты нарушил слово!

– Мое слово отдано тебе, – возразил он горячо. – Моя вер-

ность принадлежит тебе! Я и сейчас служу тебе...

— Как? — спросила она с холодной иронией. — Что собрал разбойников и грабишь мирных жителей? Мало доблести грабить тех, кто не может защититься!

— Госпожа, — сказал он с жаром, — да не доблести я ищу! И не богатства в таком... таком деле! Я только думаю, как лучше служить тебе... и жизнь мне спасшей, и...

Он запнулся, не зная как выплеснуть в словах всю бурю, бушевавшую в груди. В ее глазах было холодное презрение, но на краткий миг там проглянуло сочувствие, и этой искорки хватило, чтобы воспламенить его, как сухой стог в жаркое время года.

Клотильда сказала дрожащим голосом:

— Как ты пришел сюда?

— Госпожа, — сказал он, не обращая внимания на служанку, — я набрал людей достаточно, чтобы захватить крепость Свена. И тогда не он, ты будешь здесь хозяйкой!

Лутеция сидела красиво, с прямой спиной, но сейчас она словно бы даже стала выше ростом.

— Как ты смеешь? Чтобы я... я злоумышляла против своего благодетеля?

— Этот благодетель только и думает, — воскликнул он, — как бы завладеть тобой, таким чистым сокровищем!

— Этому никогда не бывать, — отрезала она. — А нужна будет защита, то мечи моего дяди и верного Редьярда пребудут мне защитой! Это не говоря уже о заступнице Деве Марии!

– А это кто? – спросил он тупо, но, вспомнив, что молодая госпожа поклоняется какому-то из новых богов, добавил страстно: – Но разве мой меч лишний? И сорок мечей моих людей? Они все в твоём услужении, как и я сам!

– Разбойники?

Бушующий в его груди огонь с кипящей кровью растекся по телу, воспламенил мозг. Он задышался, не знал, как выразить все то, что разрывало его изнутри.

– Госпожа!.. О госпожа...

Ее узкие брови взлетели в удивлении, а он, глядя в ее прекрасное лицо снизу вверх, рванул обеими руками рубашку на груди:

– Здесь, в этой груди, бьется самое преданное тебе сердце!

Она вскочила, в глазах впервые мелькнул страх, но голосок звучал твердо:

– Я лучше... лучше умру! Мне не нужны мечи разбойников!

– Но разве этот же Свен не был разбойником? – воскликнул он. – Разбойник – это человек, который один выходит на дорогу! Если их трое-пятеро, это шайка разбойников! Если же два десятка, то они уже называются иначе... А если удастся построить крепость, то ее уже никто не называет разбойничьей! Госпожа, я смогу держать крепость не хуже Свена...

Она отступила на шаг, глаза ее сверкали гневом:

– Не смей даже речи такие вести в моем присутствии! Мы не должны кусать руку, давшую нам кров и хлеб!

Он поднялся с колен, но головы не поднимал, страшась разгневать ее еще больше. Страсть и ярость боролись в нем, словно на кипящую смолу плескали холодной водой.

– Мне он не давал кров и хлеб, – вырвалось из глубины груди. – Но если на то твоя воля, я не причиню ему вреда.

– Какая у меня воля над разбойником?

– Больше, чем у богов! – вырвалось у него.

– Не богохульствуй. Бог един.

– Больше, чем у единого бога, – ответил он горячо, но покорно. – Потому что этот Бог для меня – Ты, госпожа. Я, когда очнулся, то сквозь туман увидел твой лик и был уверен, что я уже на небесах... Я и сейчас всякий раз на небесах, когда тебя вижу. И я знаю, что небо и рай там, где ступает твоя нога.

– Не богохульствуй, – повторила она, но уже беспомощнее. Голос ее изломался, а рука вздрогнула, когда указала на дверь: – Уходи!

Клотильда смотрела круглыми блестящими глазами. Вздрогнула, словно выходя из чудесного сна, сказала торопливо:

– Да-да, тебе пора уходить. К нам вот-вот заглянет доблестный Редьярд.

Фарамунд дернулся, пальцы сжались в кулак.

– А он зачем?

Лютетия смотрела холодно, до объяснений не снизошла, а Клотильда, чувствуя странную жалость к этому сильному

человеку, сказала торопливо:

– Он всегда заходит проститься перед сном! Проверяет, чтобы двери были заперты на ночь. И дает мне всякие умные наставления.

Она презрительно фыркнула. Лицо Фарамунда дергалось, губы вздрагивали. По лицу ходили пятна, желваки то вздувались так, что вот-вот прорвут кожу, то исчезали вовсе. Клотильда обольстительно улыбалась, показывала всем видом, что уж она-то не отходит от госпожи ни на шаг, беспокоиться за нее не надо.

Он взглянул на нее с такой горячей благодарностью, что Клотильда в ответ едва не заревела. Страшный разбойник совсем не такой уже и страшный. Потому что сейчас он беспомощен, сейчас не отобьется и от цыпленка: вот слезы уже застилают глаза, а голос дрожит, как тростник на ветру.

– Надо идти, – сказала она настойчиво. – Уходи, разве ты не понимаешь?

Она ухватила его за руку, тащила, разворачивала, пока не выставила за порог. Фарамунд шагнул в тень, ночь проглотила его высокую фигуру.

На следующий день удалось перехватить сборщиков дани. Люди конунга возвращались с дальнего конца земель, когда с деревьев внезапно со свистом полетели стрелы, камни. Из кустов выпрыгнули разъяренные люди с оружием в руках.

Люди конунга ехали беспечно, даже шлемы сняли: день

жаркий, влажный, пот заливает глаза. Камни, выпущенные из пращ, оружия плебса, со страшной силой разбивали черепа, а стрелы находили уязвимые места в латах. Третью легла от стрел и камней, но оставшиеся успели оказать отчаянное сопротивление.

У конунга в отряде служили отборные бойцы, лучшие из лучших. Несмотря на перевес в людях, разбойники заколебались, но впереди шел, как косарь смерти, их страшный в бою вожак, рядом с ним свирепо крушил любые доспехи молотом Громыхало, а с другой стороны двигался Вехульд, щит в его руке принимал все удары, а топор разил врага очень точно.

Ни один из людей конунга не пытался спасти жизнь бегством. Последний сражался, прислонившись спиной к дереву, а когда ему предложили сдаться – оставят жить и даже отпустят, он только плюнул в их сторону. Фарамунд велел убить его стрелами, чтобы не рисковать людьми.

Сборщиков подати было всего двенадцать, но это оказалось двенадцать наборов великолепных доспехов, двенадцать мечей, подобных он не держал в руках, двенадцать настоящих стальных шлемов!

Он пересчитал монеты, золото, присутствовали только Громыхало и Вехульд, остальные у костра жадно делили добычу. Фарамунд своей волей велел два полных набора доспехов и оружия выделить для его ближайших помощников: Громыхало и Вехульду. Все прочее – членам шайки, и теперь

делили «по справедливости»: меч — одному, щит — другому, шлем — третьему, доспехи — четвертому, а сапоги вовсе доставались пятому.

— Можно начинать, — сказал он, когда поднял голову. Встретился взглядом с горящими глазами Громыхало и Вехульда. Они, не отрываясь, жадно смотрели на россыпь золотых монет. — Можно выбрать место и... начинать строить собственный бург. Если нам это нужно.

Своих велел закопать поглубже, набросать тяжелых камней, чтобы звери не разрыли. Обратно к своему логову возвращались довольные, гордые. Впервые не просто ограбили земледельцев или небольшой обоз без охраны, а напали на самих людей конунга!

— Как думаешь, — спросил Громыхало озабоченно, — пошлет конунг нас разыскивать?

За Фарамунда быстро ответил Вехульд:

— Конечно, пошлет. Для него это оскорбление, а не просто потеря денег. Но теперь я понял, почему мы так далеко ушли от своих мест! Верно?

Их взгляды обратились на Фарамунда. Тот кивнул:

— Да, живых мы не оставили. А в этих краях орудуют другие шайки. Вот пусть конунг их и ловит.

— И развешивает по деревьям! — хохотнул Громыхало.

— А земледельцы жиреют, — добавил Вехульд мечтательно. — А потом придем мы...

Фарамунд насторожился, впереди засвистели дрозды.

Громыхало прислушался, вскинул руку. Отряд остановился, люди поспешно вытаскивали мечи и топоры, стараясь делать это беззвучно. Лучники тут же достали из сумок мотки тети́вы, торопливо зацепляли петлями за рогульки.

– Много, – сказал Громыхало негромко. – Семь... десять... больше!

Дрозд пустил залиvistую трель, умолк. Фарамунд не знал этого языка разбойников, но смутно понял, что отряд вооруженных мужчин больше двух десятков углубился в лес. Они идут в их сторону, словно ищут именно его шайку. Или его лично.

Он только повел рукой, а Громыхало уже молча загнал лучников в дальние кусты, копейщиков и умельцев с топорами укрыл за ближними. Сам он присел рядом с Фарамундом за огромным выворотнем. Молот опустился в мох, тот под тяжелым железом сразу прогнулся. Болотная вода выступила наружу, запах гнили стал сильнее.

Долгое время только перекликались птицы. Фарамунд напряженно вслушивался в лесные звуки, однако приближение чужих ощутил сперва по запаху. С первым порывом ветра в мозгу возникла картина группы давно немытых здоровых мужчин, грязных, обросших волосами, где пот и грязь копятся годами, а устойчивый звериный запах способен распу- гать лесную живность на мили вокруг.

Громыхало тоже потянул ноздрями воздух. Огромная лапа перехватила рукоять молота поудобнее, Фарамунд услы-

шал, как он зло пропустил воздух между зубов.

Из-за поворота на тропку вышли трое мужчин. Грязные, нечесанные, с лохматыми волосами и спутанными бородами. Все трое в потерявшей цвет одежде из невыделанной кожи, за поясами простые плотницкие топоры, но у первого еще и длинный узкий нож в чехле из хорошей мягкой кожи.

Он что-то сказал двоим, те начали отставать, а человек с ножом сделал еще пару шагов, крикнул весело:

– Привет, лесным братьям!.. Да, нас много, как сказал ваш дрозд. Три десятка крепких отчаянных ребят, готовых хоть на край света, хоть черту в зубы!.. Где ваш Фарамунд?

Фарамунд молча сжал плечо Громыхало, будь наготове, поднялся и пошел вперед, разводя руки в стороны. Пусть видят, что в ладонях ничего нет, а заодно оценят длину его рук и ширину плеч. Глаза его холодно и изучающе осматривали незнакомца. Тот стоял открыто, гордо, одну ногу выставил вперед. Волосы блестели от грязи, на плечи не падали, а почти стояли забором, в бороде запутался стебелек травы.

– Ты и есть Фарамунд? – спросил он с интересом.

– Так меня зовут, – ответил Фарамунд почему-то. – Зачем ты меня искал?

– Меня зовут Занигд, – назвался тот. – У меня под рукой тридцать человек. Нас знают от гор и до этой реки... а то и дальше. Ты о нас, конечно, слышал!

Фарамунд кивнул. Он слышал об этой шайке. Она действовала южнее, то рассыпалась, то стягивалась снова. Ее

несколько раз уничтожали почти начисто, но Занигд ускользал, отлеживался в дальних чащах, а потом все начиналось снова.

– И что ты хочешь? – спросил он.

Занигд поколебался, предложил:

– Может быть, не стоит нас держать под прицелом? А то вдруг у кого-то из лучников рука дрогнет... Я любые стрелы ловлю на лету, но не те, которые в спину.

– Там надежные ребята, – ответил Фарамунд. – Зря не выстрелят. Что ты хочешь?

– Сперва хотел бы посидеть у костра, выпить пару кувшинов вина, – ответил Занигд быстро.

– А потом?

Занигд помрачнел, нервно оглянулся. Двое его помощников стояли на прежнем месте. Остальные, судя по раздавшейся трели скворца, собрались в толпу в сотне шагов, не двигались.

– Надо ли вести переговоры вот так на дороге? Мы ведь не враги!

– Нет, – подтвердил Фарамунд. – Но мы не договаривались о переговорах. Так что говорим в тех условиях, которые устраивают обоих. Меня это устраивает.

Он говорил холодно, взвешенно, хотя сердце уже начало стучать тревожнее, предчувствуя кровь, схватку, лязг железа, стук мечей и топоров по щитам...

Занигд словно почуял, что разгорается у этого человека

с черными прямыми волосами до плеч и горящим взглядом, явно сник, сказал другим голосом:

– Мы наслышаны о тебе... Недавно решили предложить тебе объединить наши силы. У тебя, как я слышал, сорок человек, у меня тридцать... Это сила! Мы сможем многое...

Фарамунд перевел дыхание, чтобы ликование не выразилось в радостном вопле, спросил нарочито настороженно:

– Почему так решили?

– Ну, я же сказал...

Фарамунд смотрел пристально. За спиной Занигда один из его помощников покачал головой, глядя на Фарамунда.

Фарамунд сказал с нажимом:

– Говори правду.

Занигд поморщился:

– Ты своих раненых оставил в одном селе. Заплатил, чтобы их лечили. Об этом сразу же стало известно, как всем разбойникам, так и... другим. Двое успели подлечиться и уйти, а остальных схватили и повесили люди Багрового Лаурса. Но все равно, молва уже разошлась... Многие поговаривают, что встали бы под твою руку. Вот мы и решили договориться с тобой, объединить наши отряды. Договоримся, за что отвечаешь ты, за что я...

Фарамунд скользнул взглядом по вершинам деревьев, словно бы в задумчивости, смотрел рассеянно, но старался поймать лица тех двоих, с кем пришел этот красавец. Но чувствовал, что стоит это делать незаметно для Занигда.

Оба мужика помотали головами. Фарамунд сказал громко:

– Я могу вас принять в свой отряд. Но ни о каком объединении и не заикайся! Голова одна – моя, и правила для всех одинаковые. Мои! Все мои приказы – беспрекословны. Кто ослушается – смерть. Добычу делю сам... Да все это пустое сотрясение воздуха. Все знают нас и наши правила. Так что решай: вливаетесь в мой отряд или же поворачиваете обратно.

Занигд явно хотел повернуть обратно. Очень хотел. Но оглянувшись на суровые лица помощников, развел руками, принужденно улыбнулся:

– Твоя взяла. Нам долго не везло...

Но глаза его вспыхнули ненавистью.

Глава 9

Так отряд неожиданно увеличился сразу вдвое. Он уже понял, что если бы Занигд не согласился, то его бы просто зарезали те двое. Их трижды потрепали так, что шайка едва уносила ноги, обнищала, треть людей потеряли во время бегства. И, как водится в таких случаях, начались раздоры.

У костров, пока их кормили и дали кой-какую одежонку, те жаловались на неудачи, а Громыхало, Фарамунд и Вехульд обходили лагерь, прислушивались, присматривались.

– Дрянь народец, – подвел итог Громыхало, когда сошлись в сторонке. – Набрал всех, кто горазд пограбить... Третью при первой же драке либо сбежит, либо предаст... Наши покрепче. И оружие у нас настоящее, а не эти мясницкие ножи да топоры плотников...

Вехульд просто сплюнул под ноги. Фарамунд кивнул:

– Ладно. Теперь нас семьдесят человек. Когда пойдем брать крепость Свена, я их брошу в самое опасное место. Добычу надо заслужить!

Громыхало сказал с облегчением:

– Ты как в душу мне глянул! Мы весь лес на пузе использовали, а они теперь с нами на готовенькое?

Вехульд хмыкнул: брать крепость – это не совсем на готовенькое, но Громыхало прав: если повезет, то скоро они все станут господами. А они прошли к этому путь подольше,

чем эти новенькие.

Огонь он разрешал разжигать только в низине, чтобы пламя костра в ночи не увидеть даже за деревьями, сырыми и смолистыми ветками не пользовались – дабы черный дым не указывал издали.

Сейчас почти треть отряда затаилась в дозоре. Сам Фарамунд сидел у костра, чертил на земле прутиком замысловатые знаки. Громыхало посматривал издали, на план крепости не похоже, как и на движение отрядов. Сам он побывал в разных войнах, служил Риму в рядах федератов, видел, как вот так вычерчиваются схемы будущих сражений, но у их вожака сейчас что-то иное...

– Как думаешь брать крепость? – спросил он, не выдержав. – Свен, хоть сам уже и заплыл жиром, но дело знает. А на воротах у него самые умелые да бдящие.

Фарамунд буркнул:

– Видишь вот эту рубашку?

Громыхало проследил за пальцем вождя. Тот небрежно провел по вышитому краю своей сорочки.

– Ну, красивая... А что?

– Если бы она дозналась о моих планах, я бы ее сжег.

Громыхало долго молчал, двигал складками на лбу. Наконец с угрюмым подозрением спросил:

– За что?

Фарамунд вынырнул из дум:

– Ты о чем?

– За что сжег бы собственную рубаху?

– А ты все еще... Из предосторожности. Чтоб никому не проболталась.

Громыхало умолк. Некоторое время молча смотрели в багровые угли, каждый видел свое, затем к ним подсел Вехульд. Осторожно поинтересовался:

– Фарамунд, я насчет крепости... Когда, думаешь, лучше напасть?

Громыхало хмыкнул и отвернулся. Фарамунд поинтересовался с усмешкой:

– Боишься, что тебя не разбудят?

Вехульд захлопал глазами. Подошел Занигд, посмотрел на Громыхало и Вехульда, спросил тихонько:

– Фарамунд, а как именно ты думаешь захватить крепость?

Он не понял, почему Громыхало и Вехульд переглянулись, заржали. Фарамунд поманил Занигда ближе, огляделся по сторонам, спросил свистящим шепотом:

– А ты умеешь хранить тайны?

– Умею, – ответил Занигд гордо.

– Точно?

– Клянусь!

Фарамунд некоторое время смотрел испытующе. Громыхало и Вехульд застыли в тревожном ожидании. Наконец Фарамунд сказал отдельно:

– Я тоже.

Уже ночью, когда все спали, а он еще сидел у костра, вдруг посетило странное ощущение, что это он уже говорил... или слушал. Именно эти слова. Как будто это все уже происходило, вот так точно он сидел и говорил эти слова, но все забыл, а теперь переживает заново! Но как может такое быть?

Выступили в полночь, благо небо очистилось, полная луна заливала весь мир ярким зловещим светом. Шли по опушке леса, держась тени, невидимые, как призраки.

Громыхало начал поглядывать на Фарамунда с беспокойством, отстал, слышно было, как с кем-то переругивался, затем Фарамунд ощутил жар его потного тела раньше, чем грузная фигура старого воина вынырнули рядом.

– Вождь, – сказал он, – нам проще свернуть прямо сейчас. Правда, немного придется через коряги и буреломы, зато потом выйдем прямо в поле.

– Зачем? – спросил Фарамунд.

– Но оттуда уже увидим замок Свена...

– Кто тебе сказал, что идем на замок Свена? – ответил Фарамунд весело. – Я разве такое говорил?.. Ах да, в самом деле, говорил... Громыхало, ты же служил даже римлянам! Неужто ничего не знаешь о военных хитростях?

Громыхало приотстал от неожиданности. Фарамунд некоторое время двигался один, затем тяжелый топот настиг, а раздраженно-восхищенный голос прогудел:

– То-то ты слишком болтал последнюю неделю, как бу-

дешь брать крепость штурмом!.. Думаешь, кто-то из наших доносит?

– Не знаю, – ответил Фарамунд с безразличием. – Но лучше держаться так, будто среди нас есть люди Свена... да и не только Свена, всяк хочет получить лишнюю монетку!..

Громыхало некоторое время шел рядом, обдумывал. Фарамунд слышал тяжелое сопение, вздохи, даже приглушенные ругательства. Наконец Громыхало пробурчал:

– Значит, крепость Лаурса. Только она лежит в той стороне. И она уже близко.

– Точно, – сказал Фарамунд весело. – А уж Лаурс как раз нас и не ждет. Я думаю, что и до него докатились слухи... ну, что я готовлюсь напасть на крепость Свена и поквитаться с ним за все мои обиды и унижения.

Едва вышли из леса, Фарамунд замедлил шаг, не в силах оторвать взгляд от колдовского зрелища. В двух полетах стрелы начиналась широкая река. С этой стороны берег был пологим, а с той – крутым, обрывистым. И вдоль самого обрыва шла высокая деревянная стена крепости. Через каждую сотню шагов гордо высилась башня, залитая лунным светом.

– Ближайший мост на тот берег, – сказал за спиной Громыхало, – за два конских перехода.

– Зачем нам мост?

– Отсюда, как видишь, напасть невозможно.

– Разве?

– Вождь! Даже будь у нас флот...

Фарамунд прикинул оценивающе расстояние, повернулся к Громыхало:

– Ты, понятно, плаваешь, как топор... да еще и без ручки. Быстро отбери тех, кто способен переплыть эту реку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.